

АКТ ПЕРВЫЙ
КУКУШКА

НА
СУКУ

СЕРГЕЙ

SKOLORUSSOV

16+

Сергей Skolorussov

Кукушка на суку. Акт первый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63531583

SelfPub; 2020

Аннотация

Жизнь прожить – не поле перейти. Чаще всего народную мудрость начинаешь понимать только тогда, когда жизнь проиллюстрирует её на твоей собственной шкуре. Путь к любви не всегда усеян только розами. Иногда он бывает тернистым, болезненным и безжалостным. На долю главных героев книги выпало немало испытаний. Страшных, невероятных испытаний. Но любые испытания – это всего лишь проверка. Проверка того, чего ты стоишь в этой жизни. Проверка стойкости, верности любви и дружбе. Проверка на то, чтобы называться человеком.

Содержание

От рассказчика	6
Акт первый	8
Эпизод первый	9
Жизнь изначальная	9
Эпизод второй	14
Планирование авантюры	14
Эпизод третий	21
Я волшебник	21
Эпизод четвёртый	25
Королевишна	25
Эпизод пятый	35
Клиника дяди Фёдора	35
Эпизод шестой	47
Гоп-стоп-ретро	47
Эпизод седьмой	49
Открытие	49
Эпизод восьмой	56
Райская жизнь	56
Эпизод девятый	63
Взлёт	63
Эпизод десятый	69
Жанна	69
Эпизод одиннадцатый	90

Премьера	90
Эпизод двенадцатый	109
Полёт в стратосферу	109
Эпизод тринадцатый	119
Падение в тартарары	119
Эпизод четырнадцатый	128
В поисках прошлогоднего снега	128
Эпизод пятнадцатый	136
Бывает хуже	136
Эпизод шестнадцатый	148
Надежда на возрождение	148

Сергей Skolorussov

Кукушка на суку.

Акт первый

«Ты, кукушка на суку, брось в судьбу заглядывать.

И последнее «ку-ку» не спеши загадывать».

Михаил Долгополов

От рассказчика

Попадали ли вы в передряги? Это я вполне серьёзно спрашиваю. Вопрос не относится к числу праздных. Он не касается различных жизненных живописных ситуаций, связанных со взрывом адреналина, чем бы он не был вызван: молодостью, алкоголем или другими «детонаторами приключений». Если рассказ о передряге сопровождается всеобщим гоготом участников и слушателей, то это значит, что мой вопрос, как говорится, не по адресу. Он относится к более серьёзным жизненным коллизиям. Несравненно более серьёзным. Попадали? Уверен, большинство ответит утвердительно. В этом нет ничего удивительного. Такова жизнь. Жизнь с её жестокими и непреклонными реалиями. Даже если вы не отрываетесь годами от экрана монитора, передряги всё равно могут ворваться к вам ударом чего-нибудь тяжёлого из-за угла извилистой линии вашей жизни. Хотите вы этого или нет. Но вот только передряги передрягам рознь. Рассказ о них у кого-то поместится в несколько предложений. Другие будут смаковать свой жизненный опыт целый час. И только редкий "счастливчик" сможет рассказывать о передряге, в которой он побывал, долго, обстоятельно и грустно. И здесь уже вряд ли чья-то улыбка попытается сгладить шуткой его рассказ. Передряги бывают жестокими, непредсказуемыми и фатальными. Их нельзя просчитать заранее. Нет

в реальности той волшебной травки, которую известная поговорка предлагает использовать при неожиданном падении в качестве заменителя мягкого спортивного мата. Не бывает её. В этом заключается сермяжная правда любой трагедии. Никто никогда не может знать заранее, что с ним произойдёт в следующую минуту. Никто. И я не знал. Даже не догадывался. Не ведал, что ждёт меня за очередным весёлым поворотом разудалой мажорной жизни двадцатипятилетнего парня. Парня, чья беспечная улыбка до этого никогда не покидала изгибы губ. Моя передряга не похожа на ту, когда человека от смерти отделило мгновение. Когда он сдал билет на самолёт или не смог отправиться в путешествие на круизном лайнере. Вы понимаете, о чем я говорю. Моя передряга держала меня за горло на протяжении долгого времени. Очень долгого, практически бесконечного. И каждый миг этого времени я не знал буду жив или нет через секунду, другую. Впрочем, не я один. К большому сожалению, некоторые из моих спутников уже не смогут поведать вам свой рассказ. Впрочем, обо всём по порядку.

Акт первый

Кузнечик скачет, а куда – не видит

Эпизод первый

Жизнь изначальная

Зовут меня Фёдор Лемешев. Имя не самое сложное и не самое популярное в современном мире. Но я не обижаюсь, отдавая дань семейной традиции и памяти своих предков. Захотели родители меня так назвать – это их дело. Глупо спрашивать у новорождённого нравится ему его имя или нет. Я тоже не буду спрашивать у своих будущих отпрысков, а назову их так, как захочу я и моя будущая жена. Как без неё, без её участия? Я ведь не тиран. Нет, нет и нет: не деспот, не самодур и не Синяя Борода. Даже наоборот: многие считают, что я женский угодник. Может быть. Не хочу спорить. Но дело не в этом. И так, имя Фёдор я получил в довесок к своему счастливому появлению на свет. Поэтому, какие могут быть обиды? Вообще, на своих предков мне грех обижаться. Они всё делали для того, чтобы я прожил счастливую и полноценную жизнь. «Полноценную» – естественно, по их родительским меркам. А они, эти «мерки», несколько расходились с моими планами на будущее. Вернее: вообще не совпадали. Ну не хотел я быть врачом. Хоть препарировать меня, хоть пичкайте седативными пилюлями – не хотел. И точка! Мои папка с мамкой – «дохтора» до мозга костей. Прав-

да, отец давно уже не практикует, а занимается бизнесом на ниве медицинских услуг. Но мамка по-прежнему врач. Она заведует местным роддомом. Забыл сказать, что родился я и прожил первые семнадцать лет своей жизни в одном сибирском городке, известном на всю страну изобилием подземных природных кладовых. За последние сорок лет из его окрестностей выкачали столько нефти, что её вполне хватило бы, чтобы заполнить котловину, в которой эти же сорок лет назад плескалось Азовское море. Интересно, что там теперь под землёй? Пустота? Мой родной город не провалится в бездну? Впрочем, этот вопрос меня мало волновал, когда я с лёгким сердцем сел в самолёт, чтобы, пролетев три тысячи километров, стать студентом лучшего, по версии предков, медицинского ВУЗа. Поступил легко. Без каких-либо проблем. Но запала родительских наставлений хватило только на то, чтобы приобрести белый халатик, шапочку и личный скальпель для препарирования лягушек. Явившись во всё белом, словно ангел, на первую же лекция, я вдруг почувствовал, что скальпель этой далёкой для меня науки жёстко режет моё представление о будущем. Моём личном будущем. Это моё будущее! Мне в нём существовать. Мне, а не папке с мамкой. Монотонный голос лектора душил мою свободу и тягу провести молодые годы весело – в насыщенной страстями атмосфере приключений и ночных походов. И я в тот момент задал себе вопрос: «Ты готов сидеть с бутербродом и пыльной кипой лекций в пропахшей фор-

малином анатомичке, изучая содержимое брюшной полости культурного питерского бомжа, завещавшего своё тело науке?» Что мне, смазливому парню, блондину от рождения, у которого хорошо подвешен язык, статная спортивная фигура, весёлый характер и непомерная тяга к женскому полу, делать в этом душном храме ненавистной мне медицины? Я даже не стал отвечать на собственный вопрос. Просто встал и ушёл. Это не моё. Весь мир лежал у моих ног. Валялся. Подходи и бери. Поэтому больше меня никто на лекциях особо не наблюдал. Ещё бы! Когда студенты тащились в институт, я возвращался домой после очередного ночного кутежа. В лучшем случае спал прямо в лекционном зале, прикрывшись бумажками, белыми и стерильными, как мои знания. Ничего мне институт не дал. Вообще ничего. Пустой диск моего биологического компьютера, предназначенный для хранения медицинских терминов, заполнила совсем другая информация, которую я впитывал в ночных барах и на танцполах. Впрочем, что-то мне мед всё же дал. Конечно, дал. Я приобрёл в нём друга. Феликс Клепалов поначалу даже пытался перещегоолять меня в крутости ночных походов. Но после того, как мы оба, посетив кабинет ректора, получили последнее китайское предупреждение, он успокоился и, обуздав своё эго, стал более ответственно относиться к учёбе. А меня, как вы понимаете, выперли уже после первой сессии. Но эти неожиданные обстоятельства, значительно мешающие контактам, не повлияли на нашу дружбу. Она под-

держивалась не только естественной тягой близких взглядами на жизнь двух молодых людей. Нет, не только этим. Дело в том, что предки постоянно осуществляли дистанционный контроль за моим обучением. Слава богу, что они это делали не прямыми контактами с профессурой. Фу..., слава богу. Хорошо, что есть интернет! Общась посредством всемирной паутины, родители время от времени задавали мне каверзные вопросы по темам изучаемых дисциплин. А так как я по-прежнему был настроен получать от них удовольствие для вольготной жизни, мне хочешь не хочешь, приходилось наведываться к Филе, расспрашивая его о сути терминов, содержании лекций и практических занятий. Впрочем, далеко ходить не приходилось. Клепалов тоже был не местным, поэтому мы с ним вскладчину снимали квартирку на Петроградке. В связи с этим круг общения у нас был практически идентичным. Подруги моих подруг естественным образом становились подругами Феликса. И наоборот. Почему родители так и не узнали о подлоге? Видимо я умел красочно врать и выкручиваться. Цепкая память помогала манипулировать теми каплями знаний, которые я получал при посредничестве Феликса. Кому это было надо? Мне. Уж очень не хотелось впасть в немилость своим предкам. Да и тысяча баксов, присылаемая на пропитание бедному студенту, была нужна позарез. При моём образе жизни – это небольшие деньги. Но они являлись гарантией, что я удержусь на плаву. Куда плыл? Бог его знает. Но я верил в свою звезду, в свои

способности, в своего ангела-хранителя.

Но всё, что течёт, имеет свой естественный финиш. Настал тот час, когда пришлось сообщить мамочке и папуле об окончании института. Как ни в чём не бывало я выслал им фотку, где мне, облачённому в мантию, вручают диплом. Копию самого документа я тоже отправил. Фотошоп творит чудеса. За образец, естественно, был взят диплом Клепалова. Что дальше? Трудно сообразить, что делать дальше, когда вообще ничего неохота делать. Время шло, но я так и продолжал купаться в прострациях своего подвешенного состояния.

Всё изменилось по мановению палочки. Вернее, нашлись «заботливые» руки, которые смогли раскрутить волчок моей активной деятельности до головокружительного состояния.

Эпизод второй

Планирование авантюры

Заботливых рук было множество и протянулись они к моему горлу практически одновременно. Со всех сторон протянулись. Что мы делаем, когда попадаем в сложные ситуации? Правильно, бежим к другу:

– Эйч, у меня одна надежда на тебя.

За долгие годы дружбы мы научились понимать друг друга с полуслова.

– Мамка едет? – ехидная ухмылка на губах товарища говорила: «Не всё коту масленица».

– Не едет, ждёт.

– Зачем?

– Хотят меня в мамкин роддом пристроить. Врачом.

– Хорошо.

– Плохо.

– Почему?

– Фотошоп для родителей – шутка. Для роддома – преступление. И сразу скажу: «Сам дурак».

– Раньше надо было думать.

– Я уже ответил.

– Эх, я бы поехал, – грустно вздохнул безработный Фе-

ликс.

– Эйч, ты забыл? У меня диплом фальшивый. Я же ни бум-бум, – пришлось для наглядности постучать по собственному котелку.

– Ой! Удивил. Как нас сейчас учат, так те, что с дипломами, не больше твоего знают. И ничего. Страна не парится на этот счёт. Все сами себя давно лечат.

– Психотерапевтом я бы пошёл. Ответственности никакой – болтай, что хочешь. Но врачом – нет, ни за какие коврижки. И вообще: после того как я окончательно заврался, путь домой мне заказан.

– От меня что надо?

– Офис.

– «Офис»?

– Который ты охраняешь. Его ещё не сдали в аренду?

– Нет. Но порнуху снимать не пуцу.

– До этого я ещё не докатился.

– Докатишься. Зачем тебе офис?

– Резидент близок к провалу. Нужны веские доказательства, что я нашёл классную работу в Питере. Хочу на твой офис вывеску своей конторы прибить.

– В чём проблема? Бери в инете фотку любого царского дворца и фотошоп тебе в помощь.

– Фоткам, мне кажется, они уже скоро перестанут верить. Хочу фильм снять, чтобы всё реально было.

– Фильм? О чём?

– О том, что я работаю в «Клинике Борменталья».

– Сценарий есть?

– Нет, но будет.

– Борменталь, Борменталь... Ха! – Филя на миг оторопел от моей авантюрной наглости. – Это который Полиграф Полиграфович?

– Эйч! Ты дурак? Полиграф – это Шариков.

– А! – он почесал затылок. – Профессор?

– У тебя каша в голове. Не читай жёлтую прессу.

– Так другой нет.

– Вот никакую и не читай. Борменталь – это помощник профессора Преображенского.

– Точно.

– Точнее не бывает.

– И кем тебя берут?

– Ведущим специалистом.

– Тебя? В клинику? Ведущим специалистом?

Клепалов, как и я, никак не мог найти для себя достойного места в жизни. Поэтому новость о моём трудоустройстве его сильно разозлила. Он даже забыл, что и должность, и клиника – выдуманы мной.

– Ладно, не трепещи. Поможешь?

– Нормально, так. Он, понимаешь, устроился в клинику. А я – российский безработный – должен ему помогать. И что ты там будешь делать?

– Буду гипофиз новым русским пересаживать. Копи баб-

ки – и тебе пересажу. А то совсем плохо соображаешь. Поможешь?

– Думаешь, твои предки поверят? Они поди знают кто-такой Борменталь. Читали Булгакова.

– Фил, не позорься. Это филиал известной медицинской сети. Просто фамилия среди медиков распространённая.

– Ври больше. Что-то я о ней не слышал.

– Не слышал, ну и не надо. У тебя вообще кругозор ущербный.

Филя встал в позу:

– Я ведь и обидеться могу. Это ты меня просишь о помощи, а не я тебя.

– Эйч, хватит уже паясничать. Поможешь?

– Помочь-то можно, но заранее предупреждаю: денег у меня нет, диплом на прокат тоже не дам. Сколько, кстати, тебе там платят?

Я пощёлкал пальцами перед мордой Клепалова, пытаюсь вернуть его в реальный мир:

– Фил, пора завязывать с бухлом. Мне там вообще ничего не платят.

– Что-то ты в показаниях путаешься. А мне от твоей просьбы какая выгода?

– Тоже снимешься. Будешь девчонкам показывать.

– Зачем?

– Хм! И правда, незачем. Ты у нас и без этого красив, статен, да ещё с дипломом об окончании Первого медицинско-

го.

– Ой, Федька! Лесть, как говорил Ги де Мопассан, способна открыть двери любых спален. Подлизываться ты умеешь. Я и без этого знаю.

– Хорошо, уговорил. Литр вискаря. Идёт?

– Какого?

– Выбор за тобой.

Идея с вывеской была дурацкой. Но она почему-то крепко втемяшилась в мою башку. Мне казалось, что родичи уже не поверят в очередное сляпанное в фотошопе фото. А вот видео – совсем другое дело. А что ещё можно было сделать? Папка с мамкой упёрлись рогом и не верили, что я устроюсь на нормальную работу здесь, в Питере. Они даже сняли меня с довольствия, угрожая при этом приехать, чтобы забрать меня отсюда насильно.

– Идёт, – кивнул головой Феликс. – Но всё равно ты дубина, раз отказываешься возвращаться в Сургут.

– Сам «дубина». Не хочу возвращаться. Без их опеки проживу.

– Без их опеки ты сразу ко дну пойдёшь.

– Не пойду...

– Бомжом станешь.

– Не стану...

– Ой, ой. А на что жить будешь?

– Что-нибудь придумаю. Голова нужна человеку не только для того, чтобы ей есть и пить.

- Ну-ну. Тебе жить, – он вдруг оживился: – Вернее, слу-
жить. Опять по твою душу повестка пришла.
- Ничего страшного. Я военник куплю.
- У чурок что ли?
- Сам ты «чурка». Я уже в военкомате договорился, лич-
но.
- Прощельга. А кто родину защищать будет?
- Отвали.
- Я-то отвалю. Только скажи, родной, бабло откуда? Кре-
дит возьмёшь?
- Родичи на билет завтра вышлют.
- Военник, плюс вывеска. Деньги немалые. Билет не по-
кроет.
- Они пару тысяч баксов сверху кинут. Я им сказал, что
тебе задолжал.
- Феликс не удержался, чтобы не замахнуться на меня ку-
лаком:
- Ты моим именем вертишь, как буря флюгером. Вот, кто
ты после этого?
- Твой лучший друг.
- «Лучший друг» ... Но мне кажется, что парой тысяч бак-
сов ты от армии не отмажешься.
- Крутану родительский «спасательный круг» на тотали-
заторе.

Клепалов схватился за голову и стал летать по комнате
взад и вперёд, постоянно приговаривая:

– Вот послал бог друга: ни ума, ни фантазии. Господи, помоги ему, вразуми дитя несмышлёное.

– Всё нормально будет!

– О господи! Он ещё и баран упёртый! Как жить? Как жить? Кругом дебилы! Дураки простодушные. А я такой умный и продуманный до сих пор с пустыми карманами!

Когда Феликс узнал, какую ставку я собрался делать, он вообще вошёл в раж, то вздымая руки к небесам, то шупая мне лоб и опуская нижнее веко:

– Температура нормальная, зрачки не расширены. Какой бес в тебя вселился? Ты соображаешь, что творишь?

– Соображаю. Всё будет тип-топ.

– Придурок! Ты собрался ставить три тысячи баксов на «Булонь»? Я не ослышался?

Эпизод третий

Я волшебник

«Булонь» крепко зацепилась за последнее место в чемпионате Франции по футболу. Очень крепко зацепилась, очень. Казалось бы, нет такой силы, которая способна отодрать эту команду от столь облюбованного ею последнего места. В субботу она ехала к лидеру в Лион. После двадцати туров у «Булони» было ноль очков, при разнице забитых и пропущенных голов 6:57. «Лион» к тому времени не потерял ни одного очка, забил 44 гола, а пропустил всего пять. Безоговорочный лидер принимал столь же безоговорочного аутсайдера. Но я на это и рассчитывал: чёрные и белые полосы когда-нибудь да заканчиваются. У всех заканчиваются. Даже у записных мальчиков для битвы из Булони и триумфаторов последних чемпионатов из Лиона.

Не смотря на небывалую истерику дружка, я был спокоен, как слон, и сделал всё так, как планировал: заплатил за вывеску «своей» клиники, а остальные родительские деньги залил на победу «Булони». Коэффициент был бешеным: 1:16! Я рассчитывал на значительный куш, который позволял мне надолго забыть о всех моих проблемах. А как жить дальше – что-нибудь придумаю. Какие мои годы? В двадцать

три жизнь только начинается. Весь мир в кармане. Делай с ним, всё что захочешь!

К вечеру субботы Клёпа налился до невменяемого состояния. Когда начался матч, он уже похрапывал в кресле, опустив руку с недопитым виски вниз. Это он вытребовал, чтобы я обещанный ему бонус приобрёл заранее – пока не спустил все оставшиеся деньги в тотализаторе. Я пить категорически отказался и теперь молча наблюдал за футбольной баталией неинтересного мне чемпионата. «Лион», как и полагается флагману французского футбола, начал давить с первых же секунд матча. Опасные моменты перед воротами «Булони» возникали с калейдоскопической быстротой. Казалось, вот-вот, сейчас-сейчас, ещё чуть-чуть и лидер воплотит свой потенциал в реальную цифру на табло. Но время шло, а мяч никак не хотел влетать в ворота, которые я замаливал непрерывной мольбой, священными песнопениями и мысленными оберегами. Нападающие «Лиона» мазали из самых убойных позиций. Пару раз они не попали в пустые ворота буквально с трёх метров. Но и вратарь «Булони» был на высоте. Его фантастические сэйвы надолго прославили парня в родном городишке. Он тянул такие мячи, которые не смогли бы вытащить даже самые прославленные вратари мира. Такой валидольный футбол продолжался до последней минуты. Другой на моём месте просто бы окочурился. Я, скорее всего, тоже скинул пяток кг. Но при этом, как мне казалось, был спокоен, словно удав. Впрочем, не знаю: труд-

но в таком состоянии судить о себе объективно. Мы не можем видеть себя со стороны. Вот если бы я догадался сделать видеозапись, тогда, конечно. Другое дело. Ничейный исход меня тоже никак не устраивал, как и проигрыш любимой с тех пор французской команды. В общем, вы уже догадались, чем дело закончилось. На третьей дополнительной минуте матча неизвестный никому в России ни до, ни после этого лысый негр по имени Мэт Девлин Муссило Массамба – его имя я, естественно, запомнил навсегда – подхватил мяч на своей половине поля, протащил его мимо четырёх защитников, ложным замахом обманул вратаря и закатил в ворота. Всё на этом! Свисток судьи и я завизжал так, как визжит свинья, которую режут пилкой для маникюра. Филя аж выронил бутылку и подскочил на метр, не меняя при этом позы. Дорогое виски растекалось по полу, а мой закадычный дружок орал на меня:

– Вот урод! Скотина! Тут пашешь день и ночь на трёх работах, а этот кретин – бац и в дамках! Сволочь! Ну почему мне так не везёт?

– Везёт тем, кому везёт. Надо уметь рисковать. А главное, быть фартовым.

Я сиял от счастья, которое пёрло из меня без перерыва ещё целую неделю. Если честно, мне всегда везло так, что я даже считал себя волшебником. Ну, предположим, не полноценным, а только начинающим – но всё же. Иногда мне казалось, если я на этом поприще сосредоточусь и разовью дан-

ный природой дар, то стану полноценным настоящим волшебником. Но для воплощения этого месседжа в жизнь мне не хватало концентрации внимания и нацеленности. Да и попросту было не до этого. Я порхал по жизни с природным даром в кармане, который исполнял для меня все мелкие капризы. Обычно мои волшебные запросы ограничивались бытовой сферой, либо сферой лирических отношений. Материальное исполнение волшебства со мной произошло впервые. Ес-с-с! Я волшебник!

Наконец, праздники закончились: мне позвонили из фирмы, где изготавливали вывеску для клиники. Всё готово.

Эпизод четвёртый

Королевишна

В солнечный тёплый день я стоял на помпезной улочке Санкт-Петербурга, прилегающей непосредственно к Невскому проспекту. За моей спиной рабочие, одетые в новенькие спецовки, закрепляли на стене шикарную вывеску. Она гласила: «Центр вербальной медицины. Клиника Борменталья». На мне был взятый на прокат смокинг. Голову украшал медицинский колпак. Выглядело всё это довольно куртуазно. Но мне казалось прикольным так вырядиться. У парадного входа, украшенного гирляндами надувных шаров, лыбился во всю физиономию персонал клиники: два «молодца одинаковых с лица» в строгих костюмах и три девушки в коротких медицинских халатиках. С близнецами – Святославом и Станиславом – я познакомился давно. Они были на подтанцовке у местной шансонетки, украшающей своим ужасным пением, больше напоминающим гнусавый речитатив, одно из популярных злачных мест. Парни с удовольствием согласились мне помочь за не очень большую мзду. Вдобавок по моей просьбе они привлекли к этому знаменательному для меня событию знакомых танцовщиц. Феликс старательно снимал всю эту красоту на фотоаппарат с длинно-

фокусным объективом. Современная фототехника легко исполняет и функцию видеосъёмки. Клепалов был замечательным фотографом. Я даже иногда убеждал его, что с таким талантом он легко мог бы обойтись и без медицины. Поэтому за качество фото и видеосъёмки я не беспокоился. Эх, дружище, что бы я без тебя делал? Филька был интересным экземпляром. Рост – чуть ниже среднего. Физическое развитие: не ботан, но и не Геркулес. Сексуальная привлекательность? Не знаю, мне трудно оценить. Впрочем, если бы я был девушкой, вряд ли меня привлёк его нос – чуть длиннее среднего; подбородок – чуть массивнее, чем у всех; кожа – довольно угрястая, и толстые линзы в роговой оправе. Хотя, как друга, лучше Феликса я бы вряд ли где нашёл. Он умный, добрый, справедливый и преданный. Такой не подведёт.

Неожиданно прямо напротив входа в «мою» клинику тормознул шикарный авто. Вымуштрованный водитель, больше напоминающий дорогого телохранителя с безупречной выправкой, открыл заднюю дверь, в проёме которой показалась изящная женская ножка. А вслед за ней возникла прелестная фигурка обладательницы изящных ножек. Зачем это чудо природы к нам явилось? Она была хороша собой. Слишком хороша даже для того, чтобы быть ангелом, ниспосланным с небес. Придаться к её безупречному наряду не сумел бы даже такой знаток стандартов красоты, как почётный член Российской академии художеств Саша Васильев. Это я конечно утрирую и стебаюсь, пытаюсь спрятать своё смущение.

ние от явления такого божественного создания, украсившего мою авантюрную затею. Да-да, даже я, совсем не обиженный в этой жизни женским вниманием, на некоторое время потерял дар своего неподражаемого спокойствия и некоторой наглватости в общении с женским полом. Филя – он вообще остолбенел, отвесил челюсть и готов был выронить из рук самое дорогое, что нажил к двадцати трём годам – фототехнику фирмы «Nikon». Диво дивное расправило плечи, улыбнулось и спокойно продефилировало прямо ко мне. Она была прекрасна. Эти огромные тёмно-карие глаза, этот точёный нос и чуть припухшие губы! Ух! Её красота завораживала. Статная фигурка была украшена высокой шеей, шикарными бёдрами, узкой талией и, естественно, ногами, к которым трудно подобрать подходящий эпитет. Такого эпитета ещё не придумали. В моей голове тут же завертелись варианты точного определения, созерцаемого мной явления. Статусу принцессы она явно не соответствовала по возрасту. Её трудно было сравнивать с ребёнком. Богиня! Нет, не пойдёт. Ещё поклоняться потом заставит. Примадонна! Тоже не катит. Узнает, что я её так называю, обидится. Обычно примадонны – это совсем уже зрелые дамы. Королева! Тоже не то. Королева – это власть. Ещё не хватало, чтобы мной кто-нибудь помыкал. Королевишна! О! Само то. А в постели я буду её звать коротко: Кэрол.

Чуть поведя головой с чёрными локонами пышной шевелюры, Королевишна слегка улыбнулась, обратившись ко

мне:

– А куда подевался салон красоты?

Быстро стряхнув сковавшее меня на миг оцепенение, я попытался пошутить:

– Его мастера, не выдержав пытки, дружно записались в монастырь.

– Какой «пытки»? – также спокойно улыбаясь, переспросила обладательница неземной красоты.

– Пытки, связанной с тем, что вы долгое время не радовали их своим богоявлением.

– Ну, предположим, меня не было в Питере всего лишь месяц.

– Целый «месяц»? А я думаю, почему в нашем городе стало так тускло и уныло?

– Ладно, ладно, разговорился. Скажи лучше, куда они переехали?

– Готов исполнить любое ваше реальное волеизъявление, – я по многолетней привычке уже натянул на лицо нагло-циничную улыбочку, предчувствуя новый поворот в своей судьбе. – Готов сопровождать вас по жизни, красить ваши ногти, расчёсывать кудри, целовать ножки, сплясать гопака или спеть арию Арлекино. Всё, что угодно! Но быть справочным бюро я не привык.

Она хмыкнула, не найдя что ответить на мою наглость, и резко крутанулась на высоких каблуках, явно собираясь вернуться в салон своего дорогого авто.

Я продолжал стоять, смотреть на неё и твердить своё обычное заклинание: «Я волшебник! Я волшебник! Сейчас она повернётся, сейчас она вернётся. Я волшебник!» Обычно это срабатывало. Почему? Не знаю. Чудо.

Красавица остановилась и повернулась ко мне. Её улыбка уже вовсе не была дежурной. Такую располагающую к общению улыбку я видел за свою короткую жизнь ни один раз. И сразу понял: золотая рыбка клюнула.

– А сейчас здесь что будет?

Я тут же взял инициативу в свои руки, слегка дотронувшись до её локтя. Неожиданно между моими пальцами и её рукой проскочила искра статического разряда.

– Ух ты! Какая у вас энергетика! Пройдёмте, – я указал рукой на дверь, – сейчас я вам всё покажу и расскажу.

Мы двинулись к крыльцу, на котором дружно светилась улыбками моя подтанцовка. Краем глаза я обратил внимание, как физиономия Фили вытянулась от ужаса. За украшенной гирляндами надувных шаров дверями были только голые стены и ничего другого. Ничего другого, кроме форменного надувательства. По пути я чревовещал:

– Это место станет теперь самым модным среди первых красавиц Санкт-Петербурга. Хотя имя самой первой мне до сих пор неизвестно. А это неправильно. Хотелось бы исправить эту досадную оплошность.

«Первая красавица» вновь слегка хмыкнула, явно не желая так запросто раскрывать своё инкогнито.

– Впрочем, как угодно. Мне и без этого доставляет умопомрачительное удовольствие лицезреть вас среди белого дня. Совершенно напрасно...

Я сделал паузу.

– Что «совершенно напрасно»? – обратила она на меня свой взор.

– Теперь я осознал, что совершенно напрасно прожил все предыдущие годы. Если я снова не увижу вас – впору записываться в тот же монастырь, что и мастера салона красоты, – сказано это было вкрадчиво, с едва заметной эротической тональностью.

Она остановилась:

– Наглец, самец, подлец, – содержание сказанного не предвещало ничего хорошего. Но улыбка дивы говорила об обратном. Её глаза поедали меня, рассматривая и оценивая.

Я не скажу, что я красавец. Но мужику не обязательно быть нарциссом. Нет. Но обязательно надо быть харизматичным. Лёгкий штрих наглости и говорливости образу харизматичного сердцеда вовсе не помеха. Даже наоборот. Не знаю чем, но я всегда добивался своего. Иногда было даже обидно, что женщин я завоёвывал без особых усилий. Меня больше заводила неприступность. Что может быть прекрасней, чем спустить флаг с бастиона крепости, готовой к многолетней осаде. Звучит цинично. Но мне это нравилось. Какой-то неподражаемый сексуальный азарт проникал в каждую клеточку моего организма в тот момент, когда я видел

новую цель для упорного штурма. Вот и сейчас я завёлся так, что адреналин вскипал в жилах, выплёскивая протуберанцы колоссальной энергии на прекрасную гостью. Она явно чувствовала это. И долгий пристальный взгляд, пытавшийся расшифровать мой геном, подтверждал это. Я же не отводил глаз и не пытался быть благоразумным. Так мы стояли пару минут. Наши глаза источали энергию лазерных мечей джедаев, сошедшихся в перекрёстном поединке. Я не сдался и не отвёл взор от её лица.

Она наконец снова слегка хмыкнула и тихо прошептала:

– Наглец, каких свет не видывал. Ты знаешь, на кого глаз положил?

– Знаю.

– Знаешь? Откуда?

– Знаю, знал, узнаю. Временные рамки здесь ни о чём не говорят. Уверен, что вижу тебя не в последний раз. И этим всё сказано.

– Это уже ни в какие ворота, – она готова была уйти, но мой взгляд держал её на привязи. – Всё мальчик. Я уйду. Гуд бай.

Красавица слегка повела плечом, пытаясь отвернуться от меня. Но не ушла. Слегка прикусив нижнюю губку, она крепко закрыла глаза и вновь распахнула ресницы:

– Так что у вас здесь намечается? – дива дивная выплеснула пальцы из своих ладоней прямо перед моим лицом, явно пытаясь снять заклятие. – Вы хотели показать мне ваш... э-

э-э... , вашу клинику, – чуть близоруко прищурив глаза, она прочитала вывеску.

– Непременно. Пройдёмте внутрь, – я вновь слегка дотронулся до её локотка и вновь получил разряд статического электричества. – Вам не кажется, что у нас сопоставимый по накалу заряд энергии?

– Да. Но разность потенциалов налицо. Заряды наши противоположной направленности.

– Разве это плохо? Однополярные заряды отталкиваются. А противоположные притягиваются. Разве не так?

Я всё ещё нагло поедал её глазами.

– И насколько тебя тянет ко мне, – она откинула прочь условности.

– Трудно оценить в цифрах. Но удержаться сложно. Приходится напрягать всю силу воли. А она у меня не бесконечная.

– Даже так?

Понимая, что наше «стояние» посреди тротуара недвусмысленно, красавица предприняла новую попытку привести наше общение к этической норме. При этом она повысила голос, чтобы его слышали посторонние:

– Хорошо, хорошо. Вы обещали мне рассказать о вашей клинике. Борменталь – это кто?

– Борменталь – это известный на весь мир доктор, сеть клиник которого, опоясала земной шар, – привычно начал сочинять я. – Особо они пользуются популярностью у выс-

ших каст Европы и Америки. Наша клиника первая ласточка этой сети в России.

– «Вербальная медицина» – это вообще о чём?

Если бы я только знал, что мне придётся отвечать на этот вопрос, то, наверняка, заранее прогуглил бы на эту тему весь инет. Но данный термин был взят мной с потолка, высосан из пальца. На тот момент мне казалось, что это я сам его выдумал. Но оказалось, что «вербальная медицина» существует. Видимо, информация о ней завалилась в потаённых подвалах моего мозгохранилища:

– Вербальная – это значит всеохватывающая и максимально персонифицированная. У нас уникальный подход для каждого клиента. Здесь в клинике, мы производим тщательную подробную диагностику при помощи самых современных методик и оборудования. Стратегия клиники: минимизировать медикаментозное влияние терапевтических препаратов, отдавая предпочтения комплексному лечению при помощи самых передовых методик. Человеку не обязательно пачками глотать таблетки, чтобы быть здоровым. Кто-то может излечиться при помощи воздуха соляных пещер, а кто-то, увидев своё красивое отражение в зеркале. Когда клиенты клиники Борменталья бодры и веселы, им не страшны никакие болезни. У нас можно получить и стоматологические услуги, и массаж, и водные процедуры. А также покинуть наше заведение с шикарным маникюром и новой причёской. Это я образно рассказываю. В общих чертах.

В это время мы практически упёрлись в дверь клиники. Я резко остановился и всем видом показал, что не намерен идти внутрь:

– Вы знаете, я не поведу вас сегодня в святая святых. Там ещё не убрано, и некоторое оборудование не распаковано. Кроме того, ваше появление привело меня к великолепной идее.

– Интересно, какой?

– В надежде вновь лицезреть вас здесь я готов переманить вашего парикмахера. Скажите его имя, и, приехав сюда на открытие, вы сможете получить весь комплекс наших услуг, в том числе услуги ваших привычных мастеров макияжа.

Она улыбнулась. Обещающе улыбнулась:

– Когда открытие клиники?

– Ровно через две недели.

Перед расставанием я узнал номер её телефона:

– Как вас записать в «контактах»?

– Как хочешь, так и запиши. Я пока окончательно не решила: приеду или нет.

Глядя на бесконечный перечень женских имён в своём телефоне, я почесал затылок: «Как же тебя назвать, чтобы не перепутать?» Длинное «королевишна» писать было неохота, и я забил первое, что пришло в голову. Этого имени в моём справочнике уж точно не было – «Жанна».

Эпизод пятый

Клиника дяди Фёдора

О, что это было за время! Никогда в жизни до этого я столько не пахал. За эти две недели мне довелось спать едва ли часов по пять в сутки. Возможно даже меньше.

Когда я получил выигрыш от букмекерской конторы, то почувствовал себя Крезом. Полсотни тысяч баксов! Но оказалось, что это не столь уж значительная сумма. Слава богу, что у меня не было времени расслабиться и спустить на себя любимого часть этого бабла, так запросто свалившегося на мою легкомысленную голову. Но для запуска бизнеса, а я, как вы поняли, реально вознамерился открыть эту самую контору Борменталья, даже таких денег явно не хватало. Площадь арендуемых помещений превышала 200 квадратных. С трудом я уговорил арендодателя сдать мне офис без залога, внеся три тысячи баксов в качестве оплаты за первый месяц. Но дальше расходы стали расти, словно бамбук в тропическом лесу во время сезона дождей. Надо же было по высшему разряду оборудовать выдуманную мной клинику! Для начала я принял на работу всю подтанцовку, состоящую из братьев и их подруг. Они согласились при условии только дневной занятости, что я им, естественно, обещал. Интерес-

но, я никогда не верил, что близнецы даже думают одинаково. Оказалось – это факт. Договаривался я с ними о найме по раздельности. Говорю, мол, пока готов платить только минимальную зарплату. На какую вы согласитесь? Оба назвали абсолютно одну и ту же цифру: 700 баксов. Запросы девочек были значительно скромнее. Но меня такие зарплаты сотрудников вполне устраивали. Я даже выплатил всем небольшой аванс и обещал премию за переработку в стартовую неделю. Дел было невпроворот. Увидев моё рвение, весь новоявленный персонал тоже загорелся работой полной энтузиазма и вдохновений. Для начала я закупил офисную мебель. Причём, не дешёвую. Всё должно было быть по высшему разряду. К этому обязывала заявка на «самую модную клинику, не имеющую аналогов в Питере». А также моё личное горячее желание не ударить лицом в грязь перед Королевишной. Любая контора начинается с вывески. А на нашей чёрным по белому написано: «клиника». Вывеску менять будем? Нет, вывеску менять не будем. За неё деньги заплачены. А главное, её уже прочитала Королевишна. Поэтому надо плясать от печки. Раз написано «клиника», значит, то, что мы открываем будет клиникой. Но в любой клинике работает медперсонал. Вывод: надо идти к Феликсу. Он был единственным обладателем медицинского диплома, которого я мог втянуть в свою аферу. Но неожиданно дружок заартачился:

– Лем, иди в задницу! – это он так мою фамилию сокра-

шал. – Я не собираюсь участвовать в твоих аферах, которые закончатся весьма плачевно. По крайней мере, с моим везением, мне точно придётся париться на нарах. Мне это надо?

Вот что за дружок у меня? С таким кашу не сваришь. Даже не заваришь чай. Вообще-то он парень неплохой – добрый и товарищ надёжный. Но слишком уж осторожный и правильный: законопослушный, что ли. Аж тошнит. Я схватил его за грудки и оттащил шуплое тело друга в угол:

– Эйч, ку-ку, Филя! Ты дурак? Я тебе даю шанс прожить жизнь на полную катушку! А ты готов забиться в угол и всю жизнь ныть в нём о том, что в нашей стране врачам платят крохи, а вот в Америке ты бы получал за такую работу в сотни раз больше. Ты этого хочешь?

Толстые стёкла очков моего дружка от натуги запотели, но он не смог вырваться из моей жёсткой хватки и прохрипел:

– Лучше ныть на бюджетной работе, чем на бюджетных нарах.

Да, у меня не было ни лицензий для оказания медицинских услуг, ни малейшего представления о том, каким образом этот процесс осуществляется. Я, вообще-то, ввязался в авантюру совершенно незнакомой мне сферы человеческого бытия. Но, назвавшись груздем, надо было лезть в кузов. Я уверенно надавил на дружка:

– Брось! Какие нары!?! Я верю, что у нас всё получится. Мы с тобой будем купаться в деньгах и славе. Наша контора загремит по всему Питеру! Да что там – Питеру? По всей

стране, по всему миру!

– Это не контора загремит. Это мы з-загремим под статью! – от возбуждения, пытаясь противостоять моему напору, он даже стал слегка заикаться.

Я пошлёпал его ладонью по щекам:

– Очнись, Феликс, очнись! Потом будешь проситься, но я не возьму. Многие захотят работать в лучшей клинике мира. Но мало кто сможет осуществить эту мечту. Тебя же я тащу за шкуру, но ты упираешься.

– Господи, дай ума этому глупому созданию. Он не знает, что н-несёт. Лучшая клиника мира? Какая н-нахрен клиника? Очумел?

– Нет. Мы затем ещё акционируем наше начинание, этот наш стартап. Акции клиники Борменталья будут продаваться на Лондонской бирже.

Это сообщение нагнало на моего визави беспредельную истерику. Он неожиданно вырвался и выскочил из заточения в углу. При этом его футболка потеряла левый рукав. Филя машинально пытался приклеить его на место:

– П-последнюю путёвую футболку порвал. П-придурок, авантюрист. По тебе п-психушка плачет. Лондонская биржа. Надо же д-додуматься до такого. Совсем м-мозги потерял. Уверен, что ты до сих пор не зарегистрировал свои «Рога и копыта».

– Естественно, нет. Сейчас не до того.

Я к этому относился совершенно спокойно. У меня прин-

цип: всё решать по ходу пьесы. Зарегистрировать контору никогда не поздно. А если не получится, то проблемы с регистрацией и закрытием конторы отпадут сами собой.

– В-вот и ответ на твоё предложение. Я не дурак, чтобы совать свою голову в эту клоаку. Д-делай что хочешь, но без меня.

Я бы плюнул и ушёл. Но, во-первых, я знал своего друга, как облупленного. Во-вторых, он был мне нужен во всех отношениях: как надёжный товарищ и партнёр, как специалист и как трезвый советник, который бы меня сдерживал совсем уж в лихих начинаниях. У Клепалова была одна слабость: он всегда был не против выпить. За чужой счёт – тем более. Предполагая сложности, я прихватил с собой много дорогой выпивки и закуски. Когда время перевалило за полночь, Феликс согласился, но на особых условиях. Условия были следующими: ни при каких обстоятельствах он не подписывает никаких документов. Работает, что меня уже не удивило, только в дневное время. Плюс к этому: я выплачиваю ему компенсацию за один месяц. Что ж, логично. Из-за меня Филя потерял работу в качестве охранника пустого офиса. И последнее условие: он в новой клинике ни под каким соусом не занимается лечебной практикой. Я махнул рукой – главное, что Феликс согласился быть всегда рядом со мной. А остальное отрихтуем.

Через день Клепалов уже погрузился с головой в работу и забыл о своих капризах. Мы с ним много спорили о сути

нашего предприятия. И пришли к выводу, что никакого реального лечения мы здесь осуществлять не будем. Лечение релаксом — вот наша фишка. Мы будем оказывать уникальные и потому очень дорогие услуги для женской половины элиты нашего города. Вот только какие?

— Массаж, как без него? Массаж у нас должен быть!

Феликс поправил на носу очки и качнул головой:

— Ничего уникального, но пусть будет. Массажистов где возьмёшь?

— Зачем где-то брать, если они уже есть.

— ???

— Славик и Стасик, чем плохи?

Клепалов поперхнулся пивом:

— Сдурел? Они танцоры. У них ноги развиты. А массажистам руки нужны.

— В этом и есть фишка нашего массажа. Мы будем делать не классический массаж, после которого клиенты выползают из кабинета на четвереньках, а нежный, вербальный — ориентированный сугубо на женщин. Ведь здоровой женщине, чтобы релакснуться, вовсе не надо, чтобы её превратили в отбивную котлету. Прекрасная половина любит, чтобы её поглаживали, почёсывали, щекотали. Женское тело обожает прикосновение сильных, но нежных мужских рук. Тем более им понравится, когда это будут делать два наших белобрых красавчика.

— Ты думаешь, что за почёсывание и поглаживания кто-

то будет платить большие деньги?

– Будут, куда они денутся? А чтобы платили совсем уж большие, братья должны расстараться. Слушай, не знаешь где взять ведро ваксы?

– Обувного крема?

– Нет. Вот в театре чем рожу Отелло мажут?

– Это специальный грим.

– Давай, займись, достань ведро этой дряни.

– Господи, зачем?

– Сделаем братьев неграми. Наши девки сильно на экзотику падки.

– Совсем сбрендил?

Уговоры Клепалова меня не убедили, но братья отказались быть «маврами» наотрез. Отказались они и от шотландских юбочек, женских сарафанов и лосин с комбидрессами. Как трудно сработаться с людьми, у которых напрочь отсутствует художественный вкус и фантазия! Они валят все мои начинания!

Хорошо, что я вспомнил о том, что в телефоне у меня забито имя девчушки, которая училась на дизайнера. Ещё на первом курсе я с ней некоторое время зависал белыми питерскими ночами. С группой «единомышленников» Ланы, так её звали, мы разрисовывали кирпичные стены старых домов. А затем дружно зависали у кого-нибудь на квартире. Слава богу, что Ланочка меня не забыла. Она примчалась по первому моему зову. Старая любовь не ржавеет! И сразу

бросилась на шею:

– Подлец, негодяй, – это звучало почти как «дурашка» из бородатого анекдота, – бросил девушку. А я так страдала. И где ты пропадал эти пять лет?

– Не пять, а четыре.

– Пять. Пять, если нашему сыну уже четыре. Подсчитать легко.

– Какому ещё сыну?

– Какому? Плоду нашей с тобой любви.

– Врёшь!

Феликс цинично улыбался чуть в стороне, явно смакуя ситуацию. Во взгляде прочитывался месседж: ага, попался.

– Зачем мне врать? – возмущалась Лана.

– Не знаю. Может, просто стебаешься?

– Угу, – обиделась девушка, – тебе легко болтать. А я одна воспитываю нашего сына.

– Покажи!

– Поехали, увидишь.

– Зачем ехать? В смартфоне покажи.

Ребёнок на экране был явно не мой.

– Ты в своём уме? Я не могу быть его папашей. Посмотри на него и на меня. Я красавец – парень хоть куда. «Бляндин» с голубыми глазами. Истинный ариец. А это явно сын Страны восходящего солнца. Ну, или Страны утренней свежести. Скорее второе. Я больше поверю, если окажется что это внук Виктора Цоя. Мы, помнится, район его котельной-Камчатки

раскрашивали.

– Ладно, навязываться не стану. Гордость не позволяет. Но за работу ты мне заплатишь двойную таксу.

– Так вот из-за чего такой грубый шантаж. Щас! Обродовалась. Что наработаешь, то и получишь.

Она сразу сдалась:

– Показывай объект. Что будем расписывать?

– Ты в первую очередь востребована, как дизайнер. Здесь будет новомодная клиника современного релакса. Оглядиись, подумай, предложи. Но учти – нашими клиентами будут VIP-персоны. Всё должно быть вдохновенно и необычно. Но, дёшево и сердито.

Лана развернула бурную деятельность по изменению облика помещений клиники «счастья и гармонии». Для этого она привлекла всю свою старую шоблу голодных художников. Мы же с Филей бились головой о стену, пытаясь придумать что-то новое в области современного вклада в релакс. Я активно выдавал на-гора идеи:

– Как только на Западе не лечат свои изнеженные души и тела! И в ваннах с шампанским купаются и кефирные клизмы ставят.

А Филя их не менее активно разрушал:

– Я сказал, что не буду заниматься терапией. Поэтому о клизмах забудь.

– Эйч, я тоже против насилия над попочками наших обеспеченных дам. Но вот, Фил, как тебе такая идея? В русской

традиции: летом спать на сеновале. И не просто спать, а как ты понимаешь, сексуально релаксировать.

– Тебя, кобыляка, всё время в эту область тянет. Что не придумаешь, всё притоном пахнет.

– Релаксоном, а не притоном. Дамам скучно со своими богатенькими муженьками. Им хочется развлечений. А что, если мы в одной из комнат устроим сеновал?

– Ещё коня приведи.

– Надо будет – приведу. Лана, радость моя. Можешь вот эту комнату оборудовать в качестве такого креативненького сеновальчика. Чтобы и по старинке и инновационно всё было.

– Обрисуй свои хотелки.

– К примеру, здесь сено. Под ним, естественно должна быть мягкая перина для изнеженных попочек. Здесь при входе, всякие там хомуты и эти, как их там, которыми мужья жён пороли...

– Розги?

– Какие ещё розги? Плетки и вожжи. Естественно, коллекция красивых подков, ну, и прочего. Не мне тебя учить. Пусть, как только клиентка ляжет — свет сам собой потухнет, и на небе зажгутся звёзды и луна. А вместо музыки — стрекотание цикад. Да, и светлячки чтобы летали.

– Неплохо, – оценила мою идею Ланка. – Сделаю. Не так как ты говоришь. Но посыл поняла. Сделаю в сто раз круче. У нас и механики есть и электрики.

– Давай, радость моя, действуй.

– Ты так и не сказал, что я получу взамен.

– Я тебе за это очень красивого пацана сострогаю. В сто раз лучше сына Страны Утренней свежести.

Моя шутка ей не понравилась.

Рисунки и прочая красивая атрибутика – это замечательно. Но клиенты нашей фирмы должны понимать, что они попали в настоящую клинику. Надо было хотя бы для проформы завести какое-нибудь медицинское оборудование.

– Филя, ты чего всё молчишь? Я тебя давно просил где-нибудь приобрести, но недорого, крутое ультрасовременное медицинское оборудование.

– Угу, я зондировал, твоих денег даже на списанный томограф не хватит.

– И чего? Будем всех только массажем и сеном лечить? Я уже сколько всего придумал. Теперь твой ход, напарник.

– Есть одна мыслишка. Подвал нашего мединститута забит всяким отработавшим на все двести процентов хламом. Там ещё оборудование времён Мечникова и Пирогова валяется.

– Нафига оно нам?

– Ты же хочешь, чтобы у нас была необычная креативная клиника. Пусть всё будет в стиле ретро. Ланка с друзьями сделает из каждого лабораторного ундервуда крутой артобъект. Ну типа, знаешь, как старые автомобили реставрируют: любо дорого посмотреть.

– Это идея. Мне нравится. Займись этим. Езжай к директору по хозяйству. Договорись.

– Уже занимался. Они всё оборудование буквально вчера продали на металлолом. Это мне Ростик сказал. Помнишь Ростика? Дылда такой с рыжими кудрями. Его на кафедре оставили.

– Всё пропало. Уже вывезли? Зачем тогда мне мозги крутишь?

– Послезавтра забирать придут.

Эпизод шестой

Гоп-стоп-ретро

На следующий день на территорию нашей альма-матер – универа, который Клепалов кончил, а я только начал – въехали два большегрузных КАМАЗа. Я с наклеенными усами, в парике брюнета и с макияжем, делающим меня лицом «кавказской национальности», бодро прошёл в кабинет проректора. Конвертик с купюрами и дорогой коньяк быстро ускорили дело. Мол, извини, дорогой, «завтра» не получилось с машинами, зато получилось сегодня. А документы завтра, как и собирались, оформим. Братья, а также художники Ланы и попавшиеся по пути скучающие студенты, которых я нанял за ящик пива, быстро закидали грузовики старинным хламом. После этого, мы благополучно смылись.

Затраты составили смехотворные пять тысяч деревянных проректору, плюс найм грузовиков, плюс сопутствующие затраты. В общем за какие-то копейки мы приобрели оборудование, которое в руках мастеров стало быстро превращаться в крутую технику продвинутого хайтека, изготовленного в стили модернового ретро. Отдирая наклейки с фальшивыми номерами с КАМАЗов, я выказал свой респект Ивану, самому опытному художнику из группы Ланы:

– Крутые вы ребята. Приятно с вами работать. Где такие номера можно заказать?

– Источник засекречен. Информация о нём не продаётся.

Он сказал это с удивительно серьёзным видом. Обалденные парни! В них дух авантюризма никогда не пропадёт.

Эпизод седьмой

Открытие

В день открытия наша новомодная клиника была напичкана этим самым духом авантюризма под завязку. На улице гостей встречал квартет негритянских музыкантов, исполняющих мелодии Фрэнка Синатры, периода его наибольшей популярности. Я всё-таки настоял на своём. Негры у нас появились хотя бы в день открытия. Главным лейтмотивом их привлечения был ретро-стиль нашего заведения и заявка на то, что штаб-квартира «Клиники Борменталья» расположена в Америке. Ещё один негр играл на рояле в просторной гостиной клиники, где гости, сидя на шикарной мебели в стиле авангарда шестидесятых, должны были ожидать время приёма. Рояль я купил у старушки за тысячу рублей. Она хотела отдать его даром в хорошие руки. Никому в наше время тяжёлые клавишные инструменты не нужны. Даром был не нужен и этот рояль, выпущенный в 1899 году знаменитой фирмой «Steinway». В целях экономии в качестве музыкантов я нанял студентов из тропических стран. Никто из них не умел играть на музыкальных инструментах. Но два дня тренировок – и они научились достаточно правильно попадать в фонограмму, скрытого от гостей источника музыки. Ими-

тация игры ни у кого не вызвала никаких претензий. Стены гостиной были украшены картинами в стиле Энди Уорхола. Одна из стен была покрыта шёлковым батиком с изображением Диптиха Мэрилин. Только вместо Мэрилин Монро на нём было изображено лицо прекрасной незнакомки, обозначенной в моём телефоне именем «Жанна». Где я взял фото? А Феликс на что? Он успел многократно запечатлеть её во время первого визита. Я внутренне был уверен, что и второй визит красотки тоже состоится. Если честно, вся эта затея была нацелена только на неё. Для полноценного открытия клиники мне было достаточно, чтобы явилась хотя бы она. Рекламу я не давал нигде, кроме красочного анонса на стене нашего заведения. Но народ стал дружно подъезжать к входным дверям к четырём часам. И я понял: это она всех пригласила. Значит и сама вскоре будет.

Дива дивная явилась одной из последних. Вся в золоте и бриллиантах, в красном платье с захватывающим дух декольте. Я сразу стал присматриваться, как это платье снимается. Ничего сложного. Совсем ничего. Естественно, что основное моё внимание было обращено к ней. Но тем не менее, именно я провёл общую экскурсию по нашей клинике. Восторгу гостей не было предела. Не буду долго и нудно рассказывать подробности, как мы оборудовали «лечебные» кабинеты. Коснусь этого вскользь. «Кабинет аэрации», к примеру, представлял собой шикарную лабораторию, в которой, кроме экзотических медных приборов с широкими патруб-

ками, через которые можно было вдыхать «лечебные смеси», повсюду стояли огромные стеклянные колбы, реторты, цилиндры, шары и пробирки, в которых кипели насыщенные кислородом флуоресцирующие жидкости разных цветов и оттенков. Посреди помещения громоздилось уникальное экзотическое дерево. Каждая ветвь его имела собственного типа цветы и листья. С веток на пеньковых верёвочках свисали палочки одинаковых размеров, но разного цвета.

– Это дерево «Эдем», или «Райское дерево», – рассказывал я тоном опытного экскурсовода. – На нём привиты самые экзотические растения мира. Народная мудрость и современные исследования показали, что все составляющие этого удивительного дерева имеют целебные свойства. Мало того, даже древесина многих из них очень полезна при излечении многочисленных болезней, известных всем, как мигрень, рак молочной железы и даже деменция Альцгеймера. Палочки, висящие на ветвях, источают фитонциды растений, завезённых сюда со всего мира. Вот это благовоние, – указал я на толстенькую щепочку эбенового цвета, – которое называется куларумке, произрастает только на танзанийском острове Укереве, расположенном на знаменитом озере Виктория. Аборигены из племени банту с древности знали о его удивительных свойствах практически мгновенно снимать головную боль. Но даже банту теперь не могут позволить себе применять его древесину в качестве лекарственного средства. Один килограмм куларумке стоит на мировом

рынке во много раз дороже, чем агар, гренадил или сандал, стоимость которых колеблется между десятью и двадцатью тысячами долларов США за килограмм. Дело здесь не только в лечебных свойствах. Куларумке – исчезающий вид растительности. Раньше острова и побережье Виктории были в изобилии покрыты этими деревьями. Но в начале 20 века к берегам озера были направлены две экспедиции кайзеровской Германии. Заявленными целями этих предприятий была борьба с работорговлей. Не знаю, насколько это верно и осуществляли ли они эту борьбу, но, когда вскоре после начала Первой мировой войны англичане захватили занятые немцами территории, куларумке оказался повсеместно вырубленным и вывезенным в Германию. И только на труднодоступном болотистом южном берегу упомянутого мной острова осталось не более двадцати его экземпляров.

– Варвары, – покачала головой дамочка с трясущимся йоркширом на руках, – Немецкие варвары. Только и способны всё уничтожать.

– Но почему сейчас эти деревья не разведут в нужном количестве? – округлила от удивления глазки блонди, грудь которой прикрывало кольцо из крупных бриллиантов. – Это же не трудно, взять семена и высадить их в землю.

Я покровительственно и сочувственно улыбнулся:

– В том-то и проблема. Развести это дерево искусственно никак не удаётся. Над решением этой задачи бились многие биологи с мировым именем. Плоды куларумке представ-

ляют собой крупный орех. Но он наотрез отказывается произрастать при посадке в землю руками человека. Почему? Это одна из величайших неразрешимых загадок человечества. Аборигены считают, что это боги таким образом наказали людей за жадность.

– А! – вступил в разговор супруг дамы с собачкой. – Я что-то слышал про это. Говорят, что орех, перед тем как начать произрастать, должен сначала побывать в желудке какой-то крупной птицы.

– Возможно, – предположил я, – вы говорите о маврикийском дронте, который ещё называется птицей Додо, истреблённой человеком в 17 веке.

– Да, да, точно, Додо, – закивал головой лысеющий дядька. – Она изображена на логотипе сети «Додо-пицца».

Я грустно покачал головой:

– Нет, всё немного не так. Ситуация практически идентична. Но в случае с дронтом речь шла о дереве Додо из семейства сопотовых, которое так же, как и куларумке, сохранилось в единичных экземплярах. Произрастает оно на острове Маврикий в Индийском океане. А наше чудо-дерево живёт в глубине африканского континента, – я хорошо подготовился к открытию клиники и был готов дать исчерпывающий ответ на любой вопрос.

– А можно приобрести такой кусочек этого дерева, – вновь вступила в разговор блондинка, указывая на висящие разноцветные палочки.

Я улыбнулся:

– Рад бы помочь. Но у нас по понятным причинам нет значительных его запасов. Я запишу, если хотите, ваши координаты. Вдруг ситуация изменится и у нас появится избыток материала.

Она активно закивала, начав рыться в сумочке в поисках визитки, как я подумал, но достала айфон.

– Не надо, не надо, – помахал я ладонью, – я скажу администратору, и она всё запишет.

Администратор моментально выпорхнула из-за моей спины. Сегодня её роль исполняла Лана. Я нагнулся к её уху и прошептал:

– Молодец, моя курочка. Ты изготовила умопомрачительное дерево. Просто писк, шок, красота. А запахи? Чем ты эти палки напичкала?

– Так я тебе и сказала. Секрет фирмы, – Ланка скривила губы, пытаясь скрыть удовольствие. – Ты лучше скажи, у тебя серьёзно с этой брюнеткой?

– С какой брюнеткой? – на всякий случай я изобразил недоумение.

– Ой, не прикидывайся, я не дура и всё вижу. Короче, будешь идиотом, если свяжешься с ней.

– Чёй это?

– Ни «чё» ... Знаешь, кто её муж? – продолжала она шептать скороговоркой, пытаясь не мешать нашей экскурсии. – Это такой урод. Он тебя в порошок сотрёт и не поморщится.

– А зачем нам муж? Я не собираюсь с мужем связываться.

– Короче, я всё сказала. Потом не ной.

И она тут же подскочила к блонди, чтобы записать её координаты. Приобрести образец уникального дерева захотели многие. Они встали в очередь перед «администратором».

Не буду рассказывать о других чудо-кабинетах нашей шикарной клиники. Все из них были подготовлены с удивительной фантазией и замечательным вкусом. Мне самому всё ужасно нравилось.

Эпизод восьмой

Райская жизнь

Несмотря на предостережения Ланки, утром я проснулся в объятиях Королевишны. Вернее, всю ночь мы вообще не спали. Иногда даже разговаривали и ели. Да уж, на всю жизнь я запомнил эти стоны. Вернее, не стоны, а какие-то удивительные повизгивания на самой высокой октаве. Никогда до этого ничего подобного не слышал. Как доктор, хоть и не состоявшийся, я пришёл к выводу, что Жанна страдает крайней степенью нимфомании – бешенством матки. Она была ненасытной и заводной с первого намёка. Мне даже казалось, что я явственно вижу мощнейшие выбросы дофамина, так называемого гормона счастья, исторгаемого её телом. Но не стану опускаться до физиологических подробностей, гадко улыбаться, пускать слюни и бить себя в грудь. Разговор не о том. Просто с этого дня началась самая беспечная и благостная эпоха моей жизни. Все задумки исполнялись влёт. Бабло сыпалось из всех щелей. Мы разрастались: присоединили к нашей клинике подвал, переоборудовав его под водные процедуры. Одних только саун и бань там было аж семнадцать штук – от индейской до скифской. Запись на приём в клинику была расписана поминутно на много месяцев вперёд.

«Подтанцовка», получая хо-орошую зарплату, практически не вылезала с работы, забыв о «только дневном времени занятости». Впрочем, речь надо вести не только о подтанцовке – штат клиники вырос многократно. Приём клиентов вёлся непрерывно с восьми утра и до позднего вечера. Сауна вообще работала круглосуточно. Все были довольны. Только Феликс всё время ворчал, что я построил хоть и шикарный, но явно публичный дом. И всё это плохо кончится. Я его успокаивал, что это не может никогда закончиться, так как наше заведение посещает вся элита культурной столицы. Не дураки же они пилить под собой сук. Не дуры же они повторять подвиги унтер-офицерской вдовы, которая согласно «Ревизору» Гоголя сама себя выпорола.

– Слушай, Фил...

– Я не Фил, сколько раз тебе говорить! Не Филипп, не Филимон и даже не Филикс. Я Феликс.

– Хорошо, хорошо, не злись. Феликс – это же в переводе «счастливчик». А ты всё время гундишь. Нельзя так, дружище.

– Так не давай повода. Что ты творишь? Ты хоть иногда задумываешься?

– Эйч, чего я творю? Чего творю? – вспыхнул я, подскочив к нему вплотную. – Ну, увлекаются пацаны. Переходят иногда грань. Они тоже люди. Они мужики. Но пациенткам это нравится! Даже очень. Да и парни не прочь. Всегда проще иметь постоянную клиентуру. У них заработок сдельный,

плюс подарки от довольных клиенток.

– «Клиенток», клиенток... Ты себя слышишь?

– Чего ты на меня набросился? Я что ли это придумал? – вновь взбесился я и нажал кнопку селектора: – Адель, вызови ко мне близнецов. Немедленно! – после чего вновь переключился на разговор с Клепаловым: – Сейчас они придут, и ты у них сам спроси. Приказывал я им на этот счёт хоть что-нибудь? Или хотя бы намекал?

– Пусть не намекал! Но ты должен положить этому конец!

– Ничего я не должен. Фирма процветает. И по этой причине тоже. Ты же взял в ипотеку трёхкомнатную хату! – я тоже после запуска стартапа сразу съехал с нашей съёмной квартиры и теперь жил в хоробах, недалеко от клиники. – Чем ты будешь платить банку, если наши доходы упадут? А другие? Ты о них подумал? На какие шиши будет жить Ланка? Ей ребёнку надо воспитывать! У нас работает 30 человек! Пока всё нормально и никто не жалуется. Один ты ноешь всё время без устали. Хотя чего жаловаться? Ты сам отказался от ведения медицинской практики. Но тем не менее на первичном приёме раздеваешь клиенток догола и с явным удовольствием рассматриваешь чистоту кожи на их телесах, якобы для того, чтобы назначить правильное лечение. Какое лечение, если у нас клиника релакса?

– Ты! Ты! – Клепалов подвигал желваками на лице, отвернулся и побрёл к выходу из моего кабинета.

Я его догнал:

– Эйч, дружище, не обижайся! Мир? Мир! Извини, но ты тоже не прав.

Дверь открылась и на пороге нарисовались два брата-акробата:

– Вызывали?

– Всё! Идите! Не до вас! – я бесцеремонно вытолкнул их из кабинета и вновь повернулся к Феликсу: – Фил! Тьфу ты, Фел! Ну, не обижайся. Тебе развеяться надо. Я завтра хотел ехать посмотреть предложенные участки под застройку загородного филиала. Поехали вместе!

– Хорошо, поехали, – сказал он тихо. – Знаешь, я готов отсюда уволиться. Не по душе мне всё это. Но на шее у меня удавка. Мёртвая петля. Надо выплачивать ипотеку.

– Не у тебя одного петля на шее. У нас у всех своя петля. У всей страны. У всего мира. Так он устроен, этот мир.

– Знаешь, что я тебе ещё хотел сказать?

– Откуда? Нет, не знаю.

– Завязывай отношения с ней. Знаешь, кто её муж?

– Знаю.

– Я тебе, как друг советую. Плохо всё это закончится. Не обижайся только. Тебе об этом никто не скажет.

О том, что он не первый меня предупреждает, я ему рассказывать не стал. Зачем?

Мне давно уже было известно, кто её муж. И не только от доброжелателей, но и от самой Королевишны. Он был старше её на тридцать лет и занимал высокий пост в городе.

Она его люто ненавидела, называя: «животное», «урод», «хояк», «садист». Судя по рассказам, он вполне мог спокойно переступить через наши с Жанной трупы. Звали «диво дивное», естественно, не так. Но я мысленно называл её Жанной, чтобы даже всуе не употреблять настоящее имя. Почему? Во-первых, она была замужем, и я не хотел проблем для неё. Во-вторых, она была замужем, и я не хотел проблем для себя. В-третьих, она была женой известного политика и бизнесмена. Или, если выразаться предельно просто – женой известного бандита.

Вы, возможно, заметили, я даже марку её авто не стал называть. Уж слишком она редкая и дорогая. По ней легко можно вычислить с кем я связался. Любил ли я её? Если честно, не знаю. Иногда мне казалось, что просто обо-жал. Иногда я понимал, что для меня она совершенно чужой человек. Но мне с ней было хорошо. Очень хорошо. А ей? Любила ли она меня? Вот, чего совсем не знаю, так именно этого. Возможно, нас связывала только страсть. Безумная и ненасытная. Впрочем, я об этом почти не задумывался. Жизнь всю кипела и подавала паровозные гудки, летя напролом вперёд. Только вперёд...

Всё изменилось одним хорошим летним воскресным утром. Как порой всё быстро меняется. Мы ждём перемен иногда с надеждой, иногда с опаской. Но когда они наступают, мы часто даже не замечаем поворотных для жизни событий. Вот и тогда я особо не заморачивался, когда услышал

от Жанны:

– Я всегда поражаюсь тому факту, что ты поступал в медицинский, – она никак не могла отдышаться, после нашей беготни, кидания подушек и борьбы в постели, заканчивающихся по традиции её открытой улыбкой счастливого человека.

– А что тут удивительного? – я склонил над ней голову, упершись локтем в подушку, а лбом – в её лоб.

– Я всегда считала, что медики нудные неинтересные люди.

– И куда, по-твоему, я должен был поступать?

– В ГИТИС. Или в какой-нибудь другой театральный ВУЗ.

Я потёрся носом о её нос и легонько поцеловал в губы:

– А я так не считаю.

– Почему?

– Во-первых, я доволен тем, как сложилась моя судьба. Пошёл бы в театральное и не встретил тебя. К тому же, какой из меня артист?

Она резко перевернула меня на спину и оседлала. Глядя сверху, потрянула густой гривой волос и непрерывно улыбаясь, вздохнула:

– Господи..., дурак..., не знаешь своего счастья, своих талантов. Ты бы был первым из лучших. У тебя всегда столько эмоций на лице. Такая пластика. А голос! Как ты им варьируешь! От самого дна низов и чуть ли не до ультразвука.

Умопомрачение. Ноги отказывают.

– Ты про моё пение? Так это фальцет называется.

– Причём здесь «фальцет»? Ты способен вмиг предельно точно мимикой, жестами и голосом передразнить абсолютно любого человека. Даже меня. Это высокий признак лицедейства.

– Ой, ой, ой! Сейчас загоржусь. Да, точно! Вот пойду в театр, стану звездой, обзаведусь сонмом фанаток и забуду тебя напрочь. А куда от этого деться? В этом суть бомонда. И ты сама будешь не рада, что предложила мне стать артистом.

– Предложила? А ты прав, да, предложила, – Жанна неожиданно изменилась в лице. – И я это сделаю. У меня же всё схвачено. Я любого заставлю увидеть в тебе таланты. Никуда они не денутся.

– Ты серьёзно? Не шути так.

– Я и не шучу, – она игриво нахмурила брови и нагнула ко мне своё лицо: – Но только не вздумай заболеть звёздной болезнью и бросить меня. Пожалеешь!

Если честно, этот разговор моментально вылетел у меня из головы. А зря.

Эпизод девятый

Взлёт

Лицо уткнулось в мокрый песок, а голова гудит как зали-
тый водой трансформатор. В глазах круги. Что это? Пытаюсь
сообразить кто я, где я и почему отмокаю в воде. Действи-
тельность возвращается какими-то странными кусками...

... Взяв высокую ноту, противно визжит пропеллер.
Поршневой старичок ласково раздвигает облака, скрывав-
шие от солнца сухую безжизненную землю. Женька, сияя
счастливым лицом, вцепился в штурвал.

– Жека! Ты зачем полез в эту рухлядь? – прокричал я. –
Рядом стояли два новеньких «свистка». Ты их не видел, что
ли?

– А я люблю на таком! – Женька подергал за рога послуш-
ного ему тихохода. – На нем летишь по-настоящему! По воз-
духу летишь! А не дырявишь пространство и время. Фь-ю-
ють, свистнул, и ты уже хрен знает где! Никакого цимуса. Да
и какая разница, на чем возвращаться с успешного задания?

За спиной в полнеба колбасилось в шаманских диких
плясках огромное зарево, подогреваемое всё новыми и но-
выми гигантскими всполохами взрывов.

– Блин! Ракета!!!

Мы оба устали в инверсионный след, нарисованный реактивным снарядом, летящим в сторону раздолбанной нами базы. Чья это ракета? Может быть, это наши сделали контрольный выстрел? Но крылатая дрянь, пролетев мимо, вдруг сориентировалась, сделала характерную петлю и устремилась прямо за нами. За миллисекунды ужасом пронесли мысли, совсем нелестно характеризующие моего напарника, с его «люблю» и «фь-ю-ють». На реактивном истребителе уже давно были бы дома! А на этом пропеллерном «чуде» ... Э-эх!!!

Но Женька всё же был классным летчиком. Нет маневра у поршневого мастодонта, чтобы уйти от ракеты. Без шансов! Но «швакнуть» её из автоматической пушки слабая надежда существовала. Главное, чтобы были боеприпасы, и Женькино «люблю на таком» соответствовало его мастерству. И вот мы, каким-то невероятным для аэродинамики способом, практически на месте перевернулись навстречу ракете. И в следующий миг Жека уже с бешенством перекрикивал тархтение пушки, выплеснувшей струю снарядов навстречу крылатому киллеру. Ну надо же! Попал! Хаотично переворачиваясь, наш монопланчик нёсся на волне мощнейшего взрыва. Всё же крепко делали такие самолетики! Но долго радоваться судьба нам не позволила. Последнее, что я запомнил – это противные усики летчика вертолета, который неизвестно откуда вынырнул. Струи крупнокалиберного свинца устремились прямо в нас.словно в замедленном видео ку-

да-то в стратосферу улетел искореженный пропеллер поршневого мастодонта. Воздух сквозь продырявленную обшивку ворвался в кабину. В ту же секунду перед моими глазами стало летать всё, что даже априори не могло летать: какие-то гайки, патроны, таблетки... Самолет судорожно замер, встав на дыбы, и начал всё быстрее и быстрее скользить вниз в бездну, в никуда. Удар!!! И вот меня уже крутит и вертит в жутко холодной воде. Кругом плавают грязный лед. Но какой-то он неправильный, пластиковый, пенопластовый....

Я жив! Я жив! Я жив!

Выбравшись из воды совершенно без сил, свистя надорванными от перегрузки легкими, я свалился в лужу на берегу...

– Всё сам, всё сам! – рядом на песке сидела ещё достаточно интересная женщина.

Кто ты? Откуда? Голова гудела и никак не могла сообразить.

– Чего ты в данный момент хочешь больше всего? – участливого спросила она. – Может, чаю?

– Хорошо бы, – прошепелявил я засохшим языком.

Женщина встала и пошла вверх по холму.

– Постой! А кофе можешь?

– Могу! Я всё могу, – и она скрылась за верхушкой холма.

Вот ведь. Она «всё может». Фея, наверное. А ты, дурак, кофе попросил. А мог бы виски, «Феррари», виллу...

Как болит голова. Господи! Как болит голова! И как сухо

во рту...

И тут меня осенило. Она не принесёт кофе. Она не за ним пошла. Сейчас женщина подойдёт к столику, сядет на стульчик, раскроет ноутбук и внесёт изменения в текст: «Главный герой отцепил от ремня термосок и налил себе в крышечку всё ещё горячий кофе».

Эта женщина – не простая женщина. Она не бармен, не официантка и не заботливая подруга. И даже не фея.

Она сценарист!

А я – тот самый актер, что вчера на вечеринке по поводу моего вливания в коллектив пьяно орал во всё горло:

– Я завтра буду делать всё сам!! Сам!!! Без всяких дублеров!!!

Да, вы угадали. Я вовсе не спецагент, ноль-ноль-какой-то там. Никого я не уничтожил и даже не летел на поршневом самолётике. И не падал с неба. Всё это доснимется потом на авиасимуляторах и в макете кабины. А взрывы базы и битву с ракетой и вертолётom наложат при помощи компьютерной графики. А сегодня мы снимаем, как главный герой, то есть я, выбирается на берег моря после катастрофы. К сожалению, процесс съёмки несколько затянулся. Только что был отснят семнадцатый дубль этого эпизода фильма с рабочим названием «Мёртвая петля». Этот дубль тоже не удовлетворил режиссёра, который с недовольным выражением холёной физиономии пронзал меня рентгеновским взглядом, не видя моих талантов в упор.

Раздался хриплый, прокуренный голос помощницы режиссёра:

– Так! Всё! Хватит валяться! Загорать будем, когда отснимем этот эпизод. Всем на исходную!

Что ж, придётся вновь лезть в воду, заполненную бутафорским льдом. Какой бред! Кругом жара, а я, потный снаружи и высохший изнутри от вчерашнего перепоя, вынужден быть героем арктического боевика. Хоть бы сжалились и дали накатить чего-нибудь. Тогда бы я точно показал всю обойму своих талантов и снялся с первого дубля. Идиоты!

Кстати, с жаргоном лётчиков, называющих реактивный самолёт «свистком», а штурвал «рогами», я познакомился только сегодня. «Швакнуть» на их языке – это значить пальнуть из ШВАКа – советской авиационной автоматической пушки Шпитального-Владимирового.

Это мой первый опыт съёмки в кино. И сразу в главной роли. До этого я вообще не имел никакого отношения к кинематографу, театру или телевидению.

На берег моря, отталкивая бутафорские куски льда, я вылезал буквально через неделю после того самого постельного разговора с Королевишной. Как у неё всё это получилось? Я не знаю. Знаю только одно: в тот момент друзей в кинематографическом мире у меня не было вообще. А вот врагов – пруд пруди. Меня люто ненавидели. И было за что. Десять процентов съёмок к моменту моего появления на площадке уже было произведено, а предыдущая звезда, которую я за-

менил, люто матерясь и пьяно брызгаясь слюнями, отправилась восвояси. Этому актёру, не буду упоминать его имя, было особенно обидно. Он по своей беспечности и звёздности даже не успел подписать контракт. Поэтому неустойка ему вовсе не светила. Такое может быть только в России. Но в России может быть всё. И даже не такое.

Эпизод десятый

Жанна

Под конец съёмок всё изменилось. Все уже перекидывались со мной шуточками, а режиссёр за каждый удачный кадр щедро поощрял родительским похлопыванием по плечу. Всё пролетело в один миг: лето, съёмки фильма и наша с Королевишной любовь.

Да-да. Именно такой сценарий был прописан на небесах, а не «феей» с затасканным ноутбуком на руках.

Киношку склеили просто моментально. Я всегда по наивности думал, что цикл изготовления полнометражных фильмов – никак не меньше года. Но премьера «Мёртвой петли» уже была назначена. И не когда-нибудь в отдалённом времени, а двадцать девятого сентября этого же года. И не где-нибудь, а в Москве. Да не просто в Москве, а в театре «Россия», известном в недалёком прошлом, как кинотеатр «Пушкинский». Да, да, в том самом зале, где всегда проходил Московский кинофестиваль. Что ж, большому кораблю – большое плавание. А большому фильму полные залы, даже такие огромные, как в «России».

Естественно, что мне пришлось сесть в «Сапсан» и помчаться в Белокаменную для участия в премьере. Главный

герой всё-таки.

Когда поезд уже готов был тронуться, мимо окна в которое я без особого интереса уставился, проشمыгнула худенькая девушка. Мне она показалась не очень современной, но какой-то очень запоминающейся. Что-то в ней было, в этой девчушке. Какая-то хрупкая доверчивая красота и чистый искренний взгляд. Как я всё это увидел? Просто, пробегая мимо, она неожиданно взглянула мне в глаза. Это был миг. Но у меня почему-то защемило сердце. Оказалось, так бывает. Раз и всё. И уже не выходит из головы. Вагон не был заполнен под завязку. Три кресла вокруг столика в моём отсеке были свободны. «Я волшебник! Сейчас она войдёт в мой вагон и сядет рядом. Я волшебник, я волшебник, я волшебник!» Привстав, я увидел, как девушка двигается по проходу. Ближе, ближе, ещё ближе. Она остановилась, не дойдя одного ряда до меня, взглянула на номер кресла, дежурно улыбнулась женщине, которая сидела там и затем посмотрела на меня. Увидев мой интерес, предельно просто сказала:

– Вот оказывается, где моё место.

Она ещё раз улыбнулась, как бы извиняясь за опоздание, села рядом и достала из сумочки смартфон. Повесив курточку на крючок, девушка осталась в тонкой светло-коричневой кофточке и в голубых узких джинсах. На вид ей не было и двадцати. Хрупкая, изящная, не высокая, но ладно скроенная. Прядь русых волос непрерывно сваливалась на лицо, но она, казалось, полностью погрузилась в нереальный мир

всемирной паутины, время от времени машинально поправляя эту прядь. Я не знал с чего начать разговор. Странно. Со мной такого никогда не было. Какое-то внутреннее трепыхание и волнение наполнило грудь, не давало собраться мыслям и комом перекрыло горло. Я просто сидел и в упор её разглядывал.

Неожиданно она сама помогла мне завести беседу:

– Что? Так интересно? Это современный поезд. Здесь есть музыка и кино, если что.

– Вы о чём?

– Неприлично рассматривать незнакомого человека в упор, – она говорила всё это, не отрывая глаз от экрана смартфона.

Женщина, в отличие от остальных смертных, заселяющих эту планету, обладает уникальным божественным даром – она всегда чувствует чужой взгляд. Как? Если честно, я не знаю.

– Извините, но я слепой. Просто насторожил ухо, пытаюсь услышать шаги бортпроводницы.

– Простите ради бога, не знала, – она взглянула прямо в мои глаза, но я постарался смотреть сквозь неё, не дёрнув при этом ни зрачками, ни веками, – Может, я смогу вам помочь? Зачем вам нужна проводница?

– Я хотел спросить её: правда ли, что девушка, сидящая рядом со мной, настолько хороша, насколько я это себе представляю.

Она немного скривила губы и закатила свои тёмно-лазурные глазки вверх, чуть дёрнув при этом головой. И тут же вновь уткнулась в экран. Весь её вид говорил о том, что она мои игры не поддерживает и дальше так шутить мне не стоит. Но я уже сел на любимого конька, которого давне-енько не седлал. Ни разу не седлал даже во время съёмки. Хотя времени и возможностей было полным-полно. Хоть отбавляй. В кармане лежали черные зеркальные очки с небольшими по размеру стёклами. Их я прихватил на всякий случай. Это же моя первая премьера. Вдруг она с треском провалится? Вот на этот случай очки и лежали в кармане. Чтобы меня не узнавали и не тыкали пальцем: вот он! Вот этот бездарь, который возомнил себя Андреем Мироновым и Брэдом Питтом в одном флаконе.

Я напялил очки на переносицу. Заметив это периферийным зрением, девушка вновь взглянула на меня:

– Ой, вы, правда, незрячий?

– Правда.

– С детства?

– Нет. Совсем недавно ослеп.

– Авария?

– Не угадали. Всё гораздо проще. Девушка пробежала мимо окна, взглянула мне в глаза, и я ослеп.

Она уже не знала верить мне или нет. Мало кто в конце сентября носит тёмные очки. С другой стороны, мой трёп явно её настораживал и напрягал.

– Вы про меня говорите? – не очень уверенно переспросила она.

– Да. Про вас. Я слепой. Но не настолько, чтобы не видеть вас внутренним зрением.

Она опять хмыкнула, явно разочаровавшись во мне. Многие не любят, когда кто-то выдаёт себя за убогого.

– Мои слова могут показаться глупостью, – продолжал я долбиться в закрытые двери, – но для слепых в наше время создано множество замечательных программ и тренингов.

Она решила больше не ловиться на крючок и упорно смотрела в экран телефона. Меня же понесло:

– Есть такая методика Нильсона-Беркли. Она позволяет незрячему по шагам, по дыханию, по шевелению пальцев и другим незаметным для здорового человека фоновым звукам, определить не только пол и возраст человека, но и цвет его волос, глаз, рост и даже черты лица.

Она молчала.

– Звучит фантастически. Но я четыре года провёл в Стэнфордском университете, где эта методика опробовалась. Всё это довольно сложно. В эксперименте применялся гипноз, медицинская техника, воздействующая на различные области мозговых тканей и многое другое. И вот результат. Я только что прилетел из Америки. Целую неделю меня изучали учёные Санкт-Петербурга. Они до глубины души потрясены увиденным. Теперь я еду домой и меня просто распирает, так хочется поделиться с соотечественниками своим

счастьем.

Она продолжала молчать.

– Поэтому не стоит обижаться на мою навязчивость. Простите, что доставил вам неудобство.

Я снял очки, положил их в карман и обратил свой взгляд куда-то вверх. Психологический закон: если хочешь управлять человеком, поставь его в положение виноватого. Подействовало.

– Это правда? Вы не обманываете?

– Истина, – грустно пробормотал я, упершись глазами в потолок.

Она уселась поудобней и чуть развернулась в мою сторону:

– Неужели такое возможно?

– Слава богу – да.

Она помолчала и спросила:

– Как же вы за стеклом меня увидели? Ну, или услышали? Такое, точно, невозможно. Что-то здесь не так.

– Всё так. Я же говорю, начинается методика с идентификации слуховых компонентов. Но меня четыре года муштровали. И только через три года этой сложной практики физические образы окружающих людей и предметов стали приходить ко мне автоматически, интуитивно, без всякого моего усилия. Это происходит на уровне подсознания, на уровне телепатии. Я вижу! Но вижу не глазами. Мозгом, – я потряс ладонями в районе своих висков. – Здесь мои глаза. Здесь

формируются образы на 98 процентов совпадающие с реальностью.

– Фантастика. Вы меня обескураживаете, – девушка ожилилась, отложив смартфон в сторону: – Получается, вы теперь можете ходить без палочки?

– Ну..., как сказать. По парку – да. По тихой улице. Но проспект, где правит какофония различных звуков, пока не позволяет мне обойтись без посторонней помощи: предметной или человеческой.

– А здесь, в вагоне, вы тоже всех видите? Или нет?

– Когда вагон стоял и я шёл по проходу, то видел всех. К примеру, сзади нас сидит молодая пара: парень с бородкой и короткой стрижкой и девушка со светлыми, возможно крашенными волосами. Мне кажется, что она одета в короткие брючки и коротенький такой свитерок, не закрывающий живот.

Соседка привстала в кресле и мельком взглянула назад:

– Правильно. А через проход от нас кто сидит?

– Там три человека: женщина постбазальковского возраста, мужчина лет пятидесяти, немного лысоватый и круглолицый, а также их внук. Мальчик лет семи. Довольно упитанный. Он что-то всё время жуёт.

Я вообще не крутил головой, когда говорил всё это. Девушка кивнула, засмеявшись:

– Точно! Надо же! Хорошо! А как я выгляжу? Сможете подробно описать?

– Легче лёгкого. Простая задача. Вам девятнадцать лет, у вас тёмно-русые волосы, бирюзовый, возможно с примесью лазури цвет глаз, небольшой рот с чуть припухшими немного потрескавшимися губами, можно предположить, что вы их облизываете, часто поджимаете, или покусываете. Нос продолговатый с малюсенькой горбинкой. Небольшой такой аккуратненький носик. Брови густые, правильные. Немного широкие, но это вас только украшает. Длинные ресницы. Вы их не густо красите, так как они и без этого очень чёрные. Небольшой румянец. Я чувствую, как он в настоящее время чуть разливается по вашим щекам.

Я по-прежнему не поворачивался к девушке, но практически видел то, что говорил. Её образ и на самом деле в деталях был прорисован в моей голове.

Она даже чуть поперхнулась:

– Сильно. Особенно про румянец меня убило. Я, и правда, слегка зарделась. Интересно. Вы видите интуитивно, а угадываете очень точно. А то, что не привязано физиологически к образу человека, например имя, вы можете определить?

Я задумался:

– Как-то не практиковал. Но стоит попробовать. Можете мне помочь?

– Как?

– Дайте мне свою ладонь.

– Ладонь? Зачем?

– Чтобы глубже почувствовать ваш образ.

Она засомневалась, но всё же протянула руку. Ладонка была нежной, мягкой и тёплой. Я долго держал её, сжав в своих руках. Надо же! Оказывается, такие игры сильно пробуждают чувство. Было невероятно волнительно и приятно.

Она не вытерпела:

– Не получается? Никак?

Удовольствия всегда заканчиваются слишком быстро. Я вздохнул. Какое имя назвать? А! Это же просто игра. Назову первое что в голову взбрѣдет. Неожиданно в голове всплыло имя «Жанна». Не может быть! Нынче это очень редкое имя. Нет, только не оно. И я назвал:

– Вас зовут Анна.

Она медленно убрала свою ладонь и сложила руки калачиком, крепко сдавив при этом своё хрупкое девичье тело. Наступила какая-то напряжённая неприятная тишина.

– Не угадал?

– И да, и нет. Моё имя – Жанна.

Меня словно токомшибануло. Не может быть! Такого не бывает. Вообще, с чего это имя влезло в мою голову и взобралось на мой язык? Так зовут Королевишну? Нет! Это я её так мысленно назвал. Называл... Теперь уже точно никогда так называть не буду. Я назвал Королевишну Жанной из-за того, что у меня вообще никогда не было ни родственников, ни знакомых с таким именем. Но если люди с таким именем мне были незнакомы, почему тогда именно это имя мне сей-

час пришло в голову? Мало ли на свете других малознакомых имён? Но я назвал именно это. Назвал, не подумав, просто так, по наитию. Или не просто так, а только по наитию? Может, даже, по предчувствию? Чудеса. Чудеса, да и только. От восторга восприятия творившегося чуда я зажмурил глаза и до боли закусил губу. Офигеть! Даже капельки влаги промочили ресницы. Нет, брат, что-то ты совсем размяк. Где твой привычный цинизм и уверенность? Я тебя не узнаю!

– Что-то случилось? – её рука осторожно легла на мою руку.

Я открыл глаза и одновременно выдохнул весь воздух из груди:

– Не знаю, поверите вы или нет, но интуитивно я хотел сначала назвать «Жанна», но затем подумал, что это имя теперь не в тренде ветренной моды. – я монотонно постучал кулаком по лбу. – Тебя же учили. Учили! Нельзя вмешивать в интуитивно возникающий образ процессы мышления и угадывания. Надо верить интуиции. Верить! Верить! Верить!

Она успокоила меня, осторожно похлопав по руке:

– Не расстраивайтесь так. Вы же правильно назвали моё имя. Жанна и Анна – это, по сути, одно и то же. Разница только в традиции и в транскрипции.

– Не надо меня успокаивать, – я так вжился в роль, что уже сам поверил, что я слепой. – Четыре года меня натаскивали. А я так быстро стал терять квалификацию. Может, это

волнение?

– Может, – согласилась Жанна. – Вы вернулись на родину и вас волнует всё: родные просторы, родная речь, скорое свидание с близкими... с любимым человеком.

– У меня нет никого. Я сирота.

– Совсем никого?

– Совсем. Детдом – моя семья.

И в этот момент всё рухнуло. Разрушил воздушный замок моего сердца, мой счастливый мирок общения с понравившейся мне девушкой лысоватый дядька, сидевший через проход. Он уже давно снял наушники и внимательно зрел в нашу сторону.

– Какой артист! – басовито выдал он своё умозаключение. – Здорово! Обязательно посмотрю этот фильм с вашим участием.

Жанна ничего не поняла. Она смотрела то на меня, то на дядьку. Выглядело это довольно смешно. У неё было детское выражение лица, а сама она походила на котёнка, который переводит взгляд то на игрушку, то на человека, дёргающего её за нитку.

– Мужчина, вы о чём?

Дядька засуетился, поискал по карманам, потом достал из небольшого портфельчика, лежащего у него на коленях, авторучку, взял в руки рекламный буклет «Сапсана» и встал, сделав шаг в нашу сторону:

– Можно получить автограф? Мне кажется, вы далеко

пойдёте, став известным артистом. А у меня на руках будет один из первых автографов, взятых у вас. Это же здорово. Не откажите в любезности, – дядька сунул буклет с авторучкой прямо мне в руки.

Я молча сидел и даже не шелохнулся. Откуда ты припёрся? Смотрел телевизор – ну и смотрел бы себе дальше. Вот что за люди! Обязательно им нужно сунуть нос не в своё дело. Но Жанну поведение мужичка возмутило:

– Вы что себе позволяете! – она вскочила и стала напирать на мужика. Выглядело это комично. Дядька был крупнее девушки раз в пять. Она замахала перед его физиономией пальцем: – Человек слеп. А вы ему какие-то гнусности предлагаете, артистом обзываете.

Мужик сначала отпрянул, но быстро взял себя в руки:

– А, так вы тоже актриса. Понятно. Этюды отработываете. Здорово. Оценил на пять с плюсом. Фёдор, – он вновь обратился ко мне, – извините, не знаю вашего отчества, черкните пару слов на память об этой занятой встрече, и я тут же удалюсь.

Лицо Жанны вновь вытянулось в недоумении:

– Фёдор? Вас Фёдор зовут?

– Фёдор, Фёдор, – ответил за меня дядька. – Теперь я запомнил это имя на всю жизнь: Фёдор Лемешев, – он вновь протянул буклет. – Подпишите, ну, что вам стоит.

Чтобы мужик отстал я взял авторучку и буклет:

– Как вас зовут?

– Владимир Николаевич.

И я написал на буклете: «Владимиру Николаевичу, помешавшему мне добиться счастья в личной жизни. Фёдор Лемешев. Подпись. Дата. Путешествие из Петербурга в Москву».

Мужик радостно засуетился и поблагодарил:

– Спасибо большое, извините, что помешал. Фильм этот ваш обязательно посмотрю. Успехов в творчестве.

Он тщательно уселся в кресле и, улыбаясь, стал читать содержимое автографа. Потом протянул его женщине, которая всё это время с интересом смотрела в нашу сторону.

– Ничего не понимаю! – Жанна с размаху плюхнулась на своё место.

– А я сразу всё понял, – мужик вытянул через проход свою голову. – У меня фотографическая память. Увижу человека и никогда не забуду. Сел на своё место. Включился телевизор. Смотрю идёт проморолик нового фильма. А лицо на кадрах неизвестное, но до боли знакомое. Думаю, как так, что такое? А потом повернулся и сразу всё понял. Вот же главный герой фильма! Вот он, Фёдор Лемешев. Сидит спокойно в двух шагах от меня. Как будто только что с экрана сошёл.

Почитатель моего таланта даже засмеялся во весь голос от удовольствия и возбуждения. Заметив внимание соседей, он закрутил головой, обращаясь к ним, развёл руками и громко констатировал:

– Артист. Большой артист. Помяните моё слово. Я в этом прекрасно разбираюсь. С детства в драмкружке участвовал и по театрам мать всегда таскала.

Минут пять я и Жанна сидели молча, не глядя друг на друга. Я уже сильно пожалел, что стал изображать из себя слепого вместо того, чтобы попытаться завести обычный лёгкий непринуждённый разговор двух попутчиков. Простой и душевный. Паниковский, твою мать! Профессиональный слепой! Надо же было додуматься до такого. Несёт тебя, Федя! Через край несёт! Встретил наконец в своей жизни человека, девушку, хорошую девушку, а не какую-то там прожженную этуаль, от вида которых уже просто тошнит, но по нормальному знакомиться не умеешь. Совсем не умеешь. Сиди теперь, обтирайся.

– Жанна..., – я всё же решил поискать пути к примирению.

Но она оборвала:

– Так, значит, вы артист. Слепой артист. И часто вы на такой крючок девушек цепляете? Или у вас и другие закидоны есть? Не стыдно? Не стыдно убогим прикидываться?

– Это всего лишь шутка.

– Шутка? Знаю я чем такие шутки заканчиваются. Для вас другой человек ничто! Очередная пассия в постели? Вы когда-нибудь думаете о других? Что они чувствуют, задумываетесь? Или вы считаете, что все перед вами сразу должны стелиться и ножки раздвигать? Звёзды!!! Мелкие, невзрач-

ные, бездарные. Но апломб, как...

Она не договорила, а просто дёрнула брезгливо плечами и снова уткнулась в смартфон.

Мы долго сидели молча. Затем я предпринял несколько бесплодных попыток вновь отыскать точку соприкосновения для возобновления знакомства. Без результата. Все пули попали в «молоко». Пришлось зайти чуть с другой стороны:

– Жанна, если я раскрою свои истинные намерения, из-за которых начал разговор, вы меня простите?

Она отвлеклась от смартфона в поисках вариантов моих «истинных намерений». Не найдя достойного, буркнула:

– И что это за «намерения»?

– Дело в том, что в настоящий момент я еду на торжественную премьеру фильма. Она состоится послезавтра в театре «Россия», на Тверской. Организаторы буквально вчера поздним вечером предупредили меня, что на торжество я должен явиться не один, а с особой женского пола. Якобы, это необходимо для совместного парного дефиле по ковровой дорожке мимо толпы зрителей и репортёров.

Я, естественно, врал. Никто меня ни о чём не предупреждал. Да и ковровую дорожку стелют только на кинофестивалях. Её ответ несколько обескуражил:

– Но я всего лишь метр шестьдесят ростом.

Я мысленно выдохнул: клюнула!

– Это не беда. Золушка была гораздо ниже. Но она была первой красавицей на балу во дворце короля. Да и хрусталь-

ные туфельки на высоком каблуке смогут сотворить чудо.

– У меня нет таких туфель. И платья нет.

– Я всё куплю.

– Ну уж нет.

– Но почему? Это же ты делаешь мне одолжение, – я сделал ударение на «ты». – Поэтому я готов взять на себя все затраты.

– Нет, нет и нет. Я не такая. Ты плохо про меня думаешь.

– Я хорошо про тебя думаю. Я же не в кровать тебя зову, а на массовое мероприятие. Не изнасилую же я тебя прямо на премьере.

– Нет. Ни за что.

– Ты сама уедешь на такси, когда захочешь, без меня. Что тут такого – сходить на премьеру фильма? Почему ты такая закомплексованная? Обещаю – я буду себя вести, как истинный джентльмен.

– Нет. Я говорю: нет.

– Через много лет ты будешь вспоминать: ох, когда-то в молодости, я была в этом театре на премьере. Там были Никита Михалков, Алексей Миронов, Екатерина Боярская... Но я была самой красивой, – этот текст я произнёс голосом трухлявой бабушки. – Разве это плохо?

– Не соблазняй меня. Ты просто дьявол. Ну..., хорошо.

– Ты согласна?

– О, уже на «ты»? – она только сейчас заметила это. – Быстро.

– Вы согласны?

– Хм, я подумаю.

– Думай.

Она помолчала, затем оживилась, развернулась ко мне и выдала:

– А ведь ты меня сейчас соблазняешь.

– Чего? – неопределённо возмутился я.

– Ты меня шмотками соблазняешь.

– Нет.

– Да.

– Нет, ты не права.

– Права.

– Да, не соблазняю я тебя!

– Врёшь. Опять врёшь!

– Я просто прошу о помощи.

– Ага, так я и поверила.

– Но вот поставь себя на моё место.

– И что?

– У меня премьера. Я исполнитель главной роли. Так?

– Допустим.

– Мне по статусу положено прийти с симпатичной девушкой.

– Прямо: «положено».

– Да! Организаторы настоятельно просили. У них, скажем так, дресс-код такой. Даже приглашения выдают только для пар.

– Чего же ты со своей девушкой не поехал?

– А вот нет у меня её. Нет девушки.

– Так я и поверила. Ещё скажи, что ты девственник.

– Не скажу. Была девушка. Была, да сплыла. Поэтому я и прошу тебя о помощи. Это же не трудно, в конце концов!

– Почему – я?

– До премьеры осталось три дня. В Москве я никого не знаю. Так получилась, что я и Москву толком не знаю.

– И что?

– А то! Вот что мне делать? Бегать по улице и приставать к случайным прохожим? – я изобразил тупую физиономию и невразумительно басовито заныл: – Девушка, милая, помогите мне! Мне не с кем пойти на премьеру в театр «Россия». Как думаешь, многие согласятся?

– Но я в той же ситуации. Час назад ты и не подозревал о моём существовании.

Я откинулся в кресле и с серьёзным видом подвёл итог:

– Ты другое дело. У тебя есть явное преимущество.

– Какое это?

– Ты знаешь, кто я такой. А девушки на улице не знают. Это же мой дебют. Кроме съёмочной бригады о том, что есть такой актёр Фёдор Лемешев в курсе только два потенциальных зрителя – ты, и вот этот мужчина. Но было бы странно, если бы из вас двоих я пригласил на премьеру его. Хотя...

Она засмеялась, представив, как я выхожу из лимузина на ковровую дорожку под руку с этим лысоватым дядькой:

– Хорошо поёшь. Главное вполне убедительно.

– Ну, помоги, Жанна. Не дай пропасть моим талантам.

Ведь в кинематографе, как нигде в другом месте, встречают исключительно по одежке.

Она улыбалась, глядя на меня своими нежными глубокими глазами:

– Вот что с тобой делать? О-па! Я тоже на «ты» перешла. Даже не заметила. Ну ты и жук.

– Я не жук. Я несчастный актёр, который попал в тяжёлую ситуацию.

Девушка откинулась в кресле, расслабилась и загадочно вздохнула, после чего стала важно выговаривать каждое слово:

– Ну, вот если я соглашусь, то это тебе будет дорого стоить. Я ведь лишь бы в чём не пойду.

– Жанна, никаких проблем, – в тон ей проговорил я. – Не беспокойся. За главную роль в этом фильме мне отвалили кучу деньжищ, – на всякий случай соврал я – заплатили хорошо, но не так, чтобы деньгами сорить направо и налево.

– О! Так ты вообще завидный жених.

– Ещё бы! Давай сразу условимся: ты сама выбираешь гардероб для похода в театр, а я всё беспрекословно оплачиваю. Ты даже не задумывайся о стоимости. Главное, чтобы тебе всё понравилось. И как там говорил... , как его, фамилия такая «строительная». А, вспомнил! Как говорил Мел Гибсон своей дочери в фильме «О чём говорят женщины»? Он го-

ворил: «Выбирай всё и не только платье и туфли. Не забудь про сумочку и косметику». Ясно? И естественно, что всё это останется у тебя. Я же носить твои платья не смогу.

– Не сможешь?

– Конечно. У меня размерчик другой.

Мы дружно рассмеялись. Жанна вдруг сделалась очень серьёзной:

– Я согласна. Но ты должен знать: у меня есть жених. Он страшно ревнивый. Поэтому не надейся, что тебе что-нибудь перепадёт. Чтобы ни-ни! Никаких поползновений с твоей стороны. Такой расклад тебя устроит?

– Хорошо. Я и не надеялся ни на что, – в тон ей ответил я, хотя новость про жениха, если честно, немного расстроила. – Никаких проблем – только деловые отношения. Считай, что я твой напарник, коллега по работе.

– Я согласилась ещё и потому, что у меня есть три свободных дня, которые ничем не заполнены.

– Очень хорошо. Можешь помочь мне с выбором костюма?

Она поджала губки. Я продолжил:

– Если честно – я Москву совсем не знаю. Так сложилось. Вот сел в поезд и стал думать, что буду делать, когда приеду в столицу. Понятия не имею куда бежать, за что хвататься.

– Хорошо, ладно. Мы же всё равно вместе пойдём выбирать мне наряд.

На том и порешили.

Оставшуюся часть пути до Москвы мы занимались тем, что оценивали разные модные фасоны. Жанна находила сайты стильной одежды, показывала понравившиеся ей модели и предлагала мне оценить свой выбор. Оказалось, что вкусы наши разнятся ненамного. На цены я старался не смотреть. И правильно делал.

Эпизод одиннадцатый

Премьера

Меня никто не встречал. Я не сообщал о времени своего приезда. Поэтому до отеля доехал с Жанной на такси. Нет, она не собиралась в нём останавливаться. Мы бросили в номере свои нехитрые дорожные пожитки и отправились за покупками. До премьеры оставалось менее трёх дней. Надо было торопиться. Не буду рассказывать, где и что мы покупали. Скажу только, что за приобретённые наряды нам не могло быть стыдно. В них мы выглядели шикарно. Приобретения, естественно, влетели в копеечку. Ох уж эта столица! Город для богатых людей. Очень богатых. Но дело не в этом. Я был очень рад, что потрафил своей новой подруге. Она никогда ничего подобного не надевала на свою стройную фигурку и ножки. По всему было видно, что настроение у неё очень приподнятое. За время походов по бутикам Москвы мы очень сдружились. На следующий день Жанна приехала к одиннадцати часам, и мы вновь отправились на поиски необходимых вещей и аксессуаров. Естественно, что не всё время было посвящено этому меркантильному занятию. Мы много гуляли, сидели в кафешках, прокатились на речном трамвайчике и при этом много болтали, рассказывая всякую непри-

тязательную суть о себе, своём детстве и взглядах на жизнь. В общем: всё, как у всех. Я узнал, что ей уже исполнилось двадцать два года и она в этом году закончила один из московских ВУЗов. Отец девушки занимал высокий пост в армии, мать была домохозяйкой. Остальное – ничего необычного. Учёба, отдых, удивительные домашние животные и тому подобное. Но я слушал эти её обыкновенные рассказы с таким же интересом, с каким дети слушают любимые сказки. Мне очень нравился её звонкий голосок и манера общения. Мне вообще всё в ней нравилось. Я никогда в жизни не испытывал такого трепетного интереса к женской особе. Я буквально наполнялся её дыханием, её взглядами, её улыбкой и почти детским искренним смехом. Видимо, Феденька, ты впервые в жизни втюрился по-настоящему. По самые уши, по самое не могу втюрился.

Вечером, накануне премьеры, мы болтали, сидя на ставших популярными качелях, тех, что установлены на площади Маяковского.

Девушка спросила:

– И как всё завтра будет? Где, что, во сколько?

– Начало в 17:00. Давай я к тебе на такси подъеду, ты выйдешь, и мы вместе поедem. Мне неудобно, что ты будешь добираться одна.

– Нет.

– Почему? Ты боишься, что я узнаю твой адрес?

Жанна каждый раз наотрез отказывалась, чтобы я прово-

жал её до дому.

– Я не боюсь. Просто не хочу, чтобы все видели, как я выхожу из подъезда в таком шикарном наряде.

– Что в этом такого?

– Не хочу и всё.

Я выразил удивление её мягко сказать странной логике:

– Не вижу взаимосвязи. Чем я помешаю твоему выходу хоть в шикарном наряде, хоть без него? Это раз. И второе: ты голой что ли будешь выходить из подъезда?

– В смысле «голой»? – не поняла Жанна.

– К театру ты же в платье должна подъехать. А-а-а, понял. Ты в такси собралась переодеваться?

Она приснула, представив, как меняет наряд на заднем сидении такси. И тут же пояснила свою позицию:

– Всё гораздо проще. Давай, я приеду к тебе в «Гранд отель» к 12 часам. Оставлю платье, мы погуляем, ты как раз точно узнаешь, куда и как нам прийти, расскажешь всё мне. Потом я переоденусь в твоём номере, и мы выдвинемся к «Пушкинскому». Согласен?

Естественно, я был «за».

Посадив Жанну в такси, я вернулся в отель. На ресепшене девушка сообщила:

– Вас все ищут.

– Кто?

– Звонили из Санкт-Петербурга, – сказав это, она понизила голос до заговорщицкого тона: – Многократно звонили.

Портье показала номера телефонов и имена. В основном звонки исходили от Королевишны.

– Спасибо.

– И Марина Юрьевна Сухарецкая очень просила вас перезвонить. Настоятельно просила – в любое время дня и ночи, – доложила она всё тем же таинственным голосом.

Марина Юрьевна – это помощник режиссёра и администратор съёмочной группы. Очень колоритная, беспардонная, нахрапистая, властная дама с потасканными жизнью лицом и фигурой, в которых угадывалась старая дева.

– Дать номер телефона?

– Спасибо, я знаю.

Сухарецкая ответила сразу и коротко:

– Завтра в одиннадцать я тебя жду в фойе театра. Не придёшь, пожалеешь. Можешь всю ночь не спать, но, чтобы в одиннадцать был, как штык.

Пришлось перезвонить Жанне и попросить приехать пораньше.

Утром, оставив наряд девушки в номере, мы вдвоём вошли в фойе театра. Марина нарисовалась молниеносно. Без обиняков и предисловий она обратилась к Жанне:

– Девочка моя, я заберу у тебя Федора Константиновича на минутку.

Отведя меня в сторону, она негромко поинтересовалась:

– Ну, кобелино, кого это ты к нам привёл?

– Это Жанна, моя девушка. Почти невеста.

– Невеста, говоришь? Очень хорошо, – она имела способность при разговоре смотреть прямо в глаза, не меняя при этом вкрадчивой тональности. – Тогда контрольный вопрос на засыпку. Как её фамилия?

Я не ожидал такого допроса и ненадолго завис:

– Э-э-э... Степанова.

– Угу, Иванова, Петрова, Сидорова. Так я и знала. Ты её где-то уже по приезду в Москву подцепил.

Я даже поперхнулся от такой беспардонности:

– Марина Юрьевна! Я что-то не припоминаю, когда давал вам какие-либо брачные обещания.

– При чём тут я? Твоя примадонна мне каждые полчаса названивает. Солнце моё, ты почему не отвечаешь на её звонки?

Я немного разволновался и выговорился, чеканя каждый слог:

– Это не ваше собачье дело.

Но она меня оборвала, без всяких обид и эмоций на лице:

– Моё, мальчик, моё. Ты в нашей группе. И пока проект не закрыт, дорогуша, мне до всего есть дело.

– Но это здесь при чём?

– Всё при чём, всё при том, – она сняла волосок с моего костюма и дунула на него, отправив в воздухоплавание по просторам вестибюля. – Не изображай из себя идиота. Тебе это не к лицу. Я привыкла отвечать за всё. Ты не один в проекте. И пока инвестор с нами не рассчитался по полной про-

грамме, ты, Солнце моё, должен вести себя прилично. Позвони ей и успокой. А я со своей стороны никому не скажу, чем ты тут занимаешься. Значит, так: бери прямо сейчас телефон и звони. Чтобы я всё видела и слышала.

Я решил отвязаться от назойливой тётки. В чём-то она была права. Нельзя засовывать голову в песок. Но уж больно мне не хотелось вспоминать, что я любовник Королевишны и многим ей обязан. Все мои мысли, желания и чувства уже были поглощены интересом к Жанне. Я достал телефон. Он ещё на Ленинградском вокзале был переключен мной на беззвучный режим и благополучно забыт. Ого! 54 входящих звонка! 25 непрочитанных сообщений. Предчувствуя неприятные разбирательства и унижительные оправдания в присутствии посторонних, я неожиданно струсил и вместо номера Королевишны нажал номер матери:

– Привет, любимая. Извини, что давно не звонил. Здесь такая круговерть. Вечером премьера – ни минуты покоя. Суета страшная. Замордовали! – я сердито посмотрел в сторону администраторши. – Короче, всё хорошо, не волнуйся, я тебе позже перезвоню. Ну всё, целую. И я тебя.

Нагло уставившись на Марину, я вопрошающе мотнул головой:

– Всё? Или ещё что-то?

– Молодец! – она сделала шаг ко мне и стала поправлять костюм. – Хороший прикид. Тебе к лицу, – и практически без интонационного перехода продолжила: – Лимузин подь-

едет к отелю ровно в 15:00.

– Лимузин? Да от отеля до театра три минуты ходьбы. Мы пешочком дотопаем.

– «Пешочком» на пенсии будешь ходить, – она непринуждённо поправила бабочку на моём горле, – а пока ты будешь делать всё, что я тебе говорю. Ровно в 17:00 лимузин подвезёт вас к театру.

– Вот нафига это?

– Что?

– Мы целых два часа будем торчать в этом катафалке?

– Зачем торчать? Покатаетесь по Москве. Подышите свежим воздухом в парке. Но точно в назначенное время вы должны причалить к крыльцу этого очень культурного заведения. Ты меня понял?

– Понял, – буркнул я в ответ. – Всё?

– Нет, не всё. После премьеры запланирован твой выход на сцену.

– Я знаю.

– Ты стой и слушай спокойно, пока я говорю. Не дёргайся. Вполне возможно, что зрители начнут тебя расспрашивать.

– О чём?

– Обо всё, Феденька. Обо всё. О твоём жизненном пути, о биографии, где родился, женат или нет, какие у тебя сексуальные ориентиры и так далее. Так вот, если спросят, как ты попал на съёмочную площадку, что ответишь?

– У-у-у...

– Вот именно, Солнце моё, на этот вопрос ответить трудно. Значит, так: скажешь, что шёл по набережной Мойки и тут я к тебе пристала: «Молодой человек, хотите сниматься в кино?» И далее можешь плести как ты умеешь, всё, что в голову взбредёт. Ясно?

– Ясно.

Ясно. Мне стало ясно, что Марина Юрьевна уж очень ответственный чел в нашей съёмочной группе. И ей на самом деле до всего есть дело.

– Могу идти?

– Ещё секундочку, – старая дева наконец улыбнулась по-доброму. – Она в таком виде придёт?

Я вздохнул с выражением лица уставшего от суеты значимого человека и медленно достал айфон, на экран которого вывел фотографию Жанны, в красных туфлях на высоком каблуке и в вечернем платье.

По виду Сухарецкой трудно было определить, произвело на неё впечатление платье Жанны или нет. Но она тут же меня озадачила:

– Шея голая и декольте большое.

– Вам это не нравится?

– Мне всё нравится, Солнце моё. Но это непорядок.

– В смысле? – у меня в голове болезненно замельтешили мысли о разного рода табу. – Это запрещено?

– Напротив, это поощряется. Но это неприлично, когда декольте не прикрыто брюликами. Нужно колье.

– Оно, наверное, бешенных денег стоит.

– Не сомневаюсь. Вот тебе адресок одного ювелирного магазинчика, – она сунула мне в руки визитку, – скажешь, что это я тебя прислала. Подберёте твоей девице что-нибудь достойное. Да не жмоться. Твой бюджет от этого не пострадает. Только завтра к обеду, не позже, слышишь меня, часам к двенадцати, ты, Солнце моё, должен вернуть колье назад. Надеюсь, не потеряете. Если что, я вас из-под земли достану и всё до копейки вытрясу вместе с кишками и мозгами. Вот так вот, любвеобильный ты наш.

Она это сказала так веско, что я нисколько не засомневался в реальности её угрозы. Вот он оказывается какой современный типаж феи, отправляющей Золушку на бал.

Далее всё пошло по накатанной колее. Лимузин прибыл вовремя. Он отвёз нас на Поклонную гору, где мы возложили цветы. Нас, одетых по-праздничному, все воспринимали как жениха и невесту. От этого заблуждения на душе было необычайно весело и легко. Я даже заплатил мужику в жилетке за голубей, которых мы дружно выпустили в небо.

Ковровой дорожки перед входом в театр, естественно, не было. Но на крыльце стояла небольшая толпа, в которой угадывались представители прессы. При нашем появлении, все расступились, и мы торжественно проследовали внутрь здания. Несколько объективов дружно запечатлели наш проход. Такое внимание было достаточно приятным. Я взглянул на Жанну. Она машинально прижималась ко мне. Но её лицо

не выдавало никакого волнения. Молодец! Держишь марку!

Фойе было забито под завязку. Везде стояли сервировочные столы, заваленные яствами. Официанты сновали тут и там, предлагая на выбор: коньяк, вино или шампанское. Неизвестно откуда вынырнула Сухарецкая:

– Девочка, не отставай! – крикнула она, схватила меня за руку и потащила к режиссёру нашего фильма, стоявшему в окружении незнакомых мне седовласых мэтров отечественного кинематографа.

– Вот он, – подтолкнула она меня в центр круга.

С минуту меня разглядывали, словно витрину бакалейной лавки.

– Что ж, молодой человек, давайте знакомиться, – протянул руку совсем уже седой дядька в роговых очках.

Дальше неинтересно. Меня подводили к той или иной группке завсегдатаев подобных мероприятий и представляли людям, явно уверенным в том, что они светочи российской культуры. Через полчаса мне это порядком надоело. Думаю, что Жанне тоже. Поэтому звонок, приглашающий к просмотру, был как нельзя кстати.

Фильм мы смотрели, сидя в первом ряду. Мне было забавно. Я не представлял, что получится из всей этой суеты на съёмочной площадке. В принципе, неплохо. Но себя на экране видеть было откровенно стыдно. Мне казалось, что я страшно фальшивлю и слишком наиграно произношу текст. Единственный эпизод, за который не пришлось краснеть –

это когда я раненный и измученный, что надо признать очень натурально получилось, выползаю из ледяного плена на берег. Но Жанне понравилось всё. Она сжала мою ладонь и, чуть наклонившись, взволновано прошептала:

– Молодец! Просто талант.

– Ты в самом деле так думаешь? – я склонил голову в её сторону.

– Я не думаю, я уверена, – и она в знак подтверждения ткнулась в мою щёку влажными горячими губами.

Титры «конец» ознаменовались громкими продолжительными аплодисментами. Многие встали. Кое-где слышны были крики «браво». В одном из этих криков явно угадывался прокуренный голос Сухарецкой. После финальной порции оваций вся съёмочная бригада вышла на сцену и поблагодарила зрителей коллективным поклоном.

Я думал, что никто из сидящих в зале не захочет общаться со мной. Кто я такой? Пока явно никто. Но после режиссёра на сцену пригласили меня. Удивительно, но я совсем не волновался, уставившись со сцены в огромный зал.

Допрос был устроен нешуточный. Пришлось рассказать о себе всё. Или почти всё. В жизни я никогда вслух не проговаривал свою биографию. Она оказалась достаточно скудной и неинтересной. Вариант попадания на съёмочную площадку, подсказанный Мариной Юрьевной, тоже был мной озвучен. Я уже собрался уходить, когда одна из молодых зрительниц спросила:

– В заделе фильма вы сидите с гитарой в палатке и поёте. Это ваш голос звучит?

– Да, голос мой. Сначала хотели наложить фонограмму в исполнении профессионального певца, но как я понял..., вернее, я только сегодня увидел, ещё вернее – услышал, что в фильме оставили моё дилетантское исполнение.

– И на гитаре вы сами играете? – не унималась девушка.

– Да, и на гитаре я.

– А можете сейчас вживую эту песню исполнить?

Я вздохнул:

– С удовольствием, но я не привык петь без инструмента.

Неожиданно для меня по залу прокатился смешок.

– Нет, правда. Боюсь, что моё акапельное пение оставит в ваших душах слишком неизгладимое впечатление.

Смешок усилился.

– Спойте, спойте, просим, – крикнул женский голос из середины партера.

– Ну, если вы так просите, – я прочистил горло и стал мысленно настраиваться, чтобы правильно воспроизвести мелодию.

Смех усилился до шума бури. Ничего не понимая, я вопрошающе двинулся вперёд, как бы обращаясь к залу: «Что-то не так?»

Смех волнами отливал вглубь зрительного зала и возвращался вновь. Наконец девушка, задавшая вопрос о песне, встала и крикнула:

– Обернитесь!

Оказывается, сразу, как только зрительница заговорила о песне, из-за кулис за моей спиной вышла Сухарецкая, которая в одной руке держала гитару, а в другой стул. Если я когда-нибудь стану режиссёром, первое, что сделаю — приглашу Марину Юрьевну своим замом.

Пришлось спеть:

– Я исполню не те песни, что звучали в фильме. Вы всегда имеете возможность послушать их в интернете. А сегодня мне очень хочется познакомить вас с творчеством одного замечательного русского поэта и музыканта. Его давно нет в живых. Он не известен всей стране, но тот, кто его знал, навсегда полюбил его творчество. Среди этих людей и я. Михаил Долгополов был другом моего отца. Он часто приходил к нам и пел свои песни. Именно дядя Миша научил меня играть на гитаре и привил любовь к музыке. Начну с простого:

Как хорошо было в старой квартире!
Вот бы вернуться, начать все с начала.
В маленькой комнате, три на четыре.
Где до утра шестиструнка звучала,
Как мы любили, как счастливы были
В маленькой комнате, три на четыре.

Птицы с утра на окошко слетелись.
Все пополам, перемножено на два,
Мы просыпались и целовались.

Мы есть друг у друга – другого не надо...

Что говорить, как мы счастливы были

В маленькой комнате, три на четыре.

Но что же случилось, что же сломалось?

Ордер в кармане, ключи от квартиры.

В стареньком домике что-то осталось,

В маленькой комнате, три на четыре.

Вещи забрали, но что-то забыли

В маленькой комнате, три на четыре.

А вслед за этим на «бис» я исполнил ещё несколько песен: как дяди Миши, так и собственного сочинения. До этого дня, я даже в пьяном угаре не мог представить, что простые песни, сочинённые мной от нечего делать, могут быть так хорошо приняты публикой.

По окончании премьерных мероприятий, нас повезли в ресторан. Там все быстренько накидались под тосты о «неизмеримых и неповторимых талантах» режиссёра, продюсера, автора сценария, композитора, звукорежиссёра, операторов, монтажёров, актёров и так далее. Думаю, если бы здоровье позволило, они дошли бы до водителей. Жанна слегка попивала шампанское, а я мусолил одну и ту же рюмку коньяку. Сегодня мне хотелось быть в здравом уме. Естественно, из-за Жанны. Зато в танцах мы с ней оторвались по полной. Особенно когда ресторанная исполнительница, кстати, слишком талантливая для этого заведения, исполнила песню

Агузаровой «От Москвы до Ленинграда». Я умел танцевать рок-н-ролл. Не просто умел – отлично танцевал. Мне было всего четырнадцать, а соседке Ксюхе – семнадцать. Я был рано созревшим, высоким, ладным парнем, а соседка Ксюха была хромой, несчастной девчонкой. Она занималась танцами: бальными, эстрадными, народными. Участвовала в соревнованиях самого высокого уровня. Её напарника Ярика я тоже хорошо знал и втихаря завидовал ему белой завистью: он каждый день держал за талию самую симпатичную девчонку из всех, кто в то время успел попасться мне на глаза. Беда пришла, когда её никто не ждал. Маршрутка выскочила на встречу, как раз под огромный мусоровоз. Выжили только узбек-водитель и Ксюша. Повезло? Несомненно. Вот только с ногой беда. О танцах пришлось забыть. Ярик тут же растворился за горизонтом и больше не появлялся на пороге своей партнёрши. Каждый день я гонял гири и вертелся на турнике в твёрдой надежде когда-нибудь разукрасить его наглуую противную рожу. Ксюху же непрерывно колбасило. Несколько раз мне довелось видеть её откровенно пьяной. Однажды, когда мы ехали в лифте, я решился заговорить с ней о ноге... Короче, это долгая история. Скажу только, что я почти два года занимался с Ксюшкой танцами. Она меня обучила всему, что умела сама. А моя задача состояла в том, чтобы загрузить её по полной программе. Я не давал ей ни одной свободной минутки. Дело продвигалось медленно. Очень медленно. Но результат был: она уже совсем переста-

ла хромать. Только я и мать Ксюхи могли заметить что-то еле уловимое в её движениях, выдающее травму. Надежды на триумфальное возвращение Ксении в «большие танцы» постепенно сбывались. Но тут она умерла. Это было скоротечное жестокое время. Неожиданно травмированная нога начала болеть. Диагноз неутешительный: рак. Не хочу вспоминать. Совсем не хочу. Но и не могу не вспомнить...

Ксюхи больше нет, а великий танцор, кровь которого текла в её жилах, переселился в меня. Реинкарнация состоялась. Мало кто в наше время умеет танцевать классический рок-н-ролл. Но Жанка танцевала свободно, от души, полностью отдаваясь ритму. Она легко взлетала высоко вверх, протыкая каблуками небо. После Ксюшки у меня никогда в жизни не было такого талантливого партнёра. Жанна легко выполняла не только кики, степы, буги и твисты, но и элементы акробатического рок-н-ролла, такие как сальто, лассо и пируэты.

Глядя на наш зажигательный танец, Леонид Маркович, продюсер «Мёртвой петли», пьяно утёрся салфеткой, встал и поднял бокал с виски:

– Молодцы! Молодцы, ребятки, порадовали старика. Давно хотел снять что-то подобное «Грязным танцам». Валера! Ты как? — обратился он к главрежу нашего фильма.

– Я? Я только «за». Будет сценарий – снимем всё что вашей душеньке угодно.

– Вот это правильно! Моей душеньке будет угодно снять «Грязные танцы». Ритуля, нарисуеть сценарий?

– Запросто, – Маргарита Евгеньевна, та самая «фея с ноутбуком», ослабилась деланной улыбкой.

– Под них ваяй! – указал он пальцем на нас. – Красавцы! Научились наконец театральные ВУЗы России готовить истинно талантливую молодёжь. Мы с такими ребятами всех Оскаров соберём! За сбычу мечт!!! – и он плеснул в горло изрядную порцию алкоголя.

Нас разбирал смех, когда, запыхавшись от непрерывных танцулек, мы вывалились на улицу подышать прохладным воздухом тихого московского вечера.

– Так что, Жанночка, ты теперь в нашей обойме! Сам Беркович записал тебя в главные героини будущего проекта. «Театральные Вузы России...», — начал я передразнивать продюсера, но не удержался и согнулся пополам, сотрясаясь от смеха.

«Главная героиня будущего проекта» заливалась хохотом так, что не могла собраться и ответить мне нормальным человеческим языком. Но она не успела ничего сказать.

Неожиданно перед нами нарисовались три крепкие фигуры. Парни не выглядели шпаной или искателями ночных приключений, но тем не менее я сразу почувствовал неладное и перестал смеяться.

– Ты Фёдор Лемешев? – спросил один из них.

Я промолчал. А с чего я должен объясняться поздно вечером с неизвестными мне субчиками? Какие могут быть разговоры? Меня явно собирались бить. Я сжал кулаки и до-

тронулся до плеча Жанны, пытаясь отвести девушку за свою спину. Но она, в отличие от меня, не почувствовала опасность и предельно просто сказала:

– Да, это он. А что вы хотели?

– Взять автограф, – засмеялся один из них и тут же с подскока сильно пнул меня в колено.

Я рухнул, как сбитая городошная фигура. И быть бы мне избитым ногами этой троицы, но Жанна, словно тигрица бросилась на мою защиту, колотя парней ногами и кулаками. Я тут же вскочил и со всей дури врезал в нос того, который говорил об автографе.

– На! Кто ещё хочет автограф? На! – и второй парень вылетел из контактного круга.

Но кулак третьего разбил мою губу. Губки у меня не маленькие и кровушки в них полным-полно. Бежевый бархат моего модного костюма моментально окрасился кровавой юшкой. В это время раздался чей-то залихватский свист и парней как ветром сдуло. Я повернулся, чтобы посмотреть, кто свистел. На крыльце стояла Сухарецкая, держа во рту свёрнутые бубликом пальцы. Вдогонку убегающему трио она исполнила позывной, который в народе ещё называют «дай, дай закурить, дай, дай, дай-дай-дай».

– Я думал, что это Соловей-разбойник пришёл к нам на помощь. Марина Юрьевна, есть что-то на свете, чего вы делать не умеете?

– Я не умею бить кулаком в морду. Но у тебя неплохо по-

лучается.

– Если бы, – я указал на залитый кровью костюм.

– А мне показалось, что ты занимался боксом.

– Нет, не занимался. Хотя однажды дружок заманил в секцию. Но когда тренер увидел море крови, выбежавшей из моей губы, схватился за голову и сказал: «Парень, это не для тебя. Не приходи больше».

– За костюм не беспокойся. Мы стрясём с Вовчика двойную цену.

– С какого «Вовчика»? – не понял я Сухарецкую.

– С того самого, которого мы снимали в «Петле» до твоего появления. Я узнала среди нападавших Севку, его дружка. Он с ним как-то раз появлялся в поле моего зрения. Не сомневайся, я душу из него вытрясу.

Я и не сомневался – уже хорошо уяснил, что этой женщине всё по плечу. В таком шокирующе окровавленном виде я не захотел оставаться в ресторане. Попрощавшись со всеми, мы ушли в отель.

Эпизод двенадцатый

Полёт в стратосферу

– Я в ванную, – улыбнулась Жанна, оставив меня в двусмысленном положении.

Через пять минут она вышла в джинсах и кофте, в которых приехала утром.

– Возьми, – девушка протянула мне кольцо. – Не забудь завтра вернуть.

Я взял из её рук украшение. Бриллианты блестели. Они были прекрасны. Но не красота кольца завораживала меня, не давала отвести взгляд.

– Не смотри так, – Жанна немного смутилась. – Всё, прощай.

– Ты так просто уйдёшь? – вопрос был задан тихо и спокойно.

– Да. Уже поздно. Проводи меня до такси, – также тихо ответила она.

– Уходишь?

– Ты мне обещал. Ты помнишь?

– Помню.

– Я тебе ничего не обещала.

– Жанна! – мой голос постепенно набирал эмоции.

– Что?

– Не уходи.

– Назови мне хотя бы одну причину, по которой я должна остаться.

– Есть такая причина. Я уверен, что она очень веская. Но для того, чтобы ты осталась – их должно быть две. Две причины! Моя и твоя.

– Лемешев! Фёдор Константинович, вы немного перебрали, поэтому несёте что-то невразумительное.

– Невразумительное? Можешь смеяться. Можешь в дальнейшем тыкать в меня пальцем и смеяться, но чёрт возьми! – под конец этой фразы я уже плохо контролировал себя. Слова сами срывались с губ: – Я в тебя втюрился, слетел с катушек, обалдел, охренел, сошёл с ума. Если ты этого не видишь – то ты слепа. Но я не виню тебя. Я готов ждать, надеяться, верить. Возможно, что ты думаешь, что я говорю словами. Нет! Это ложь! Я говорю не словами – сердцем, – словно замороженный я говорил, говорил, говорил. И никак не мог остановиться. Не знаю почему, но не мог. Мне хотелось высказаться, открыться перед ней: – Я впервые полюбил. Раньше я считал, что секс – это и есть любовь. Нет, не о том. Не о том. Но, как? Как мне тебе рассказать, что я сейчас чувствую? Я не могу без тебя. Не могу!!! Разве это непонятно? Только не пугайся! Я не псих и не маньяк. Я пытаюсь высказать то, что чувствую. Я не сошёл с ума. Я здоровый человек. Нет! Я больной! Я болен тобой! Я не хочу, чтобы

ты сейчас уходила! Это сумасшествие. Просто я тебя люблю. Я хочу, чтобы ты всегда была со мной.

Признаваясь в любви, я старался обуздать свои эмоции. Обуздать, чтобы не испугать ту, без которой мне не жить. Но эмоции разрывали меня. Разрывали сердце, разум. В этот миг на меня сошло озарение: «Теперь я точно знаю, что такое любовь. Это полная шиза, сердце в лоскуты, адреналиновый коллапс. Я, словно, только что родился и ничего не помню, что было до Жанны. Мне больше ничего не надо! Только она! Жанна! Башку снесло. Плевать на башку, на всё плевать – лишь бы она была со мной. Любовь – болезненное состояние. Оно по живому режет сердце, жилы, мозг. То, что в этом мире воспринимают за любовь – гораздо приятней и спокойней. Но чёрт возьми! Мне выпал этот удел! Этот выворачивающий душу наизнанку, такой болезненный, но такой невероятный умопомрачительный удел! Я влюбился! Я пишу, визжу, я слетел с катушек! Но я счастлив и рад этому уделу. Бог меня не забыл. Он одарил меня высшим счастьем на земле. Счастьем познать это болезненное состояние».

Я был счастлив. Наполовину счастлив. Для полного счастья мне не хватало её:

– Жанна, я не хочу. Не хочу. Не хочу, чтобы ты уходила. Я хочу, чтобы ты не уходила из моей жизни никогда! Не уходи. Я люблю тебя. Люблю. Жанна...

Она не улыбалась, не возмущалась и не рвалась на волю. Выслушав моё пространное признание, девушка подошла ко

мне вплотную и взглянула снизу вверх – разница в росте у нас сантиметров двадцать. Смотрела долго и упорно, словно пытаюсь прочесть на моём лице все ответы на свои вопросы. Наконец покачала головой и стала говорить тихо, почти шёпотом:

– Фёдор, Фёдор... , господи, что за странное имя. Ты невероятный человек. Ты просто омут. Омут самой быстрой полноводной реки. Ты страшный человек. Страшный тем, что в тебя невозможно не влюбиться. Ты страшно талантлив, страшно красив, страшно умён. Господи, почему ты до сих пор ничей? Или чей? Не обижайся. Я просто хотела сказать, что всему своё время. У нас ничего не выйдет. Ты опоздал, уже поздно. Понимаешь – поздно! Прости меня. Прости и не обижайся на отказ. Я оказалась слишком податливой, слишком мягкой – раз согласилась на эту авантюру. Дура. А ведь я понимала, что всё закончится именно так. Дура. Почему? Почему ты не появился в моей жизни хотя бы год назад? А теперь я не могу. Не могу я! Ты понимаешь или нет? Чёрт тебя бери. Понимаешь? Не могу я переступить через себя, через свою совесть, через свою... Ты просто дьявол, посланный для испытаний моих чувств. Я не могу! Не могу. Я ухожу.

– Уходи.

– Уходить? – она внезапно нахмурилась.

– Да.

– Ты, правда, этого хочешь?

– Да. Вернее – нет. Хотя – да. Я не хочу, чтобы ты принимала необдуманные решения. Уходи.

– Я пошла.

– Уходи, но помни, что в этом мире есть человек, который тебя любит.

– Лучше молчи. Я ухожу.

– Любовь. Это чувство, даётся человеку только один раз в жизни.

– Сволочь, гад, садист! Зачем ты надо мной измываешься?

– Прости... Не хотел тебя обидеть. Но чёрт возьми!!! Разве ты не видишь, что я тебя люблю по-настоящему? Я готов на всё! Чёрт возьми! Я готов выкрасть тебя, убить соперника, стоять сто лет с цветами возле твоего балкона. На всё готов. Чё-ё-ёрт!!! Уходи.

– Это не очередной этюд будущей звезды? Не разминка, перед съёмкой в лирической мелодраме?

– Считай, как хочешь. Но, если ты думаешь, что я всё это затеял ради тупого одноночного секса – то ты сильно ошибаешься.

– Я ухожу.

– Хорошо.

– «Хорошо»?

– Ты сделала свой выбор – значит, тебе хорошо. Я не в праве тебя принуждать. Что толку, если я тебя люблю, а ты нет. Ты права, всё слишком поздно.

– Так я и знала. Ты сдался через пять минут – испугался,

капитулировал, предал.

– С чего ты взяла?

– С того. Вы мужики много говорите. Столько слов. Пустых слов. Но на деле..., на деле сразу даёте откат, слабинку, попятную.

– Жанна, не говори так.

– Чего не «говорить»? Того, что ты не готов биться за свою любовь? Что ты сразу сдался – ручки кверху? Перед кем? Ты хотя бы видел своего соперника? Видел?

– Нет.

– Не видел. Так на что ты претендуешь? Вы стали мелкими и невзрачными. Я о вас, мужиках, говорю. Вы ждете, что всё за вас сделает женщина: накормит, напоит, ответит на насущные вопросы. И даже подскажет вам выход, выбор. Выбор: можно вам записаться в запасные игроки или нет. Вы не охренели? А? Мужики? Алё – где вы? Почему всё должна решать женщина? Как, после всего этого ты надеешься вызвать во мне ответные чувства? Как я вообще могу полюбить такого? Тряпка!

– Но своего жениха ты уже полюбила?

– Кто тебе сказал?

– Ты.

– Раз ты это слышал – то я тебе сказала. Но когда? Когда? Опять врешь! Лемешев, почему ты всегда, непрерывно, патологически врешь? Ну, почему? Не люблю я его. Если ты хочешь это знать. Я перед тобой открыта полностью. Но

ты сразу в кусты – сдался. Ненавижу трусов. Я верю в твои чувства. Но не верю, что ты способен добиться моей любви. Прощай Лемешев. Я ухожу.

Она решительно двинулась к входной двери. Вот это разговорчик! Вот это беседка! Чёрт возьми. Я влюблён! Резко выдохнув, я решительно преградил ей путь:

– Постой, я не могу тебя так просто отпустить. Я провожу.

– «Провожу»? Господи! Господи!! Господи!!! Он меня проводит. И что? Ты целый час распинался о своей любви. Доволен? Всё? Успокоился?

– У???

– Что молчишь? Исполнил номер. Теперь твоя душенька спокойна?

– Жанна, я люблю тебя, неужели ты этого не видишь? Люблю по-настоящему.

– Не вижу. Слова, слова, слова. Если бы любил, то спросил бы меня. Любовь – это когда двое. А когда один – извращение, самолюбование, онанизм какой-то. Ты меня спросил?

– Спросить?

– Как хочешь.

– Жанна...

– Я ухожу.

– Чёрт! Жанна! Жанна!! Жанна!!! Я не могу одновременно делать два дела: исполнять обещания данные тебе – это дело чести, и добиваться твоей любви.

– Это не помешало тебе удариться в признания.

– Да! Но я на самом деле тебя люблю. Я знаю, что это на всю жизнь. Навсегда.

– «Навсегда» – плохое слово. Оно сковывает. Всё сказал?

– Нет.

– Что-то ещё скажешь?

– Я тебя люблю.

– Я это уже слышала.

– Я не могу без тебя.

– И это было. Слова, слова, слова...

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

– Что-то новенькое, но эту фразу мне уже говорили. Я уйду. Тебе есть ещё, что сказать?

– БИ-У-А!!!

Она засмеялась:

– Только не застрелись. Господи, господи, господи... какие вы мужики смешные и недалёкие. Я уйду.

– Я провожу.

– Провожальщиков мне не надо. Мне нужен спутник: единственный и любимый. Прощай.

Жанна дошла до двери, открыла её, вышла и обернулась:

– Это всё?

– В смысле?

– Запал кончился? Любовь прошла. Или тебе не с кем было переспать?

Она скрылась за дверью, и я стремглав ринулся за ней:

– Жанна! Жанна!

Догнал я её уже возле лифта.

– Что «Жанна»? Спасибо Фёдор Константинович за интересный вечер. Я познакомилась со многими людьми. Когда стану старенькой буду вспоминать: «Вот была на вечере в театре «Россия», где познакомилась с Никитой Михалковым, с Екатериной Боярской...» – она с поразительной точностью изобразила дряхлую бабульку. – С кем там ещё?

– С Фёдором Лемешевым.

– Нет, упаси бог. Имя этого невзрачного человечка я не запомню.

– Жанна, ты меня любишь?

Девушка резко развернулась:

– Наконец-то. Эгоист! Самовлюблённый эгоист. Всё о себе любимом. «Я люблю, я люблю», – передразнила она. – Видимо ты так привык. Что за дебилизм?

– Любишь?

– Дурак, – она прислонилась ко мне всем телом, которое трепетало, передавая мне энергию неповторимой, всепоглощающей любви.

Я осторожно и нежно поцеловал Жанну в щёку. Потом ещё и ещё. Постепенно спускаясь к губам. И здесь напрашивается довольно избитая фраза: «Их уста слились в страстном поцелуе». Да, всё так. Чёрт возьми это было волнующе. Вальсируя, слившись в поцелуе, мы вернулись в номер.

Что было дальше? Не буду рассказывать. С одной стороны – об этом знают все. С другой – такого ни у кого не было.

Словами не перескажешь. Уверяю вас, то, что «знают все», я испытывал многократно. А «такого ни у кого не было» – впервые.

Господи, какое счастье любить и быть любимым. Это незабываемо, неподражаемо, это полёт в стратосферу ...

Эпизод тринадцатый

Падение в тартарары

Было около десяти часов утра. Голова Жанны лежала на моей груди, её тело слилось с моим. Мои руки продолжали получать собственное наслаждение, скользя по нежной гладкой коже девушки. Это умопомрачение. Я не верил, что счастье так близко, что оно реально и вполне достижимо. Счастье есть – его не может не быть. Идиллия. Полная идиллия. Блаженство. Это несравнимо ни с чем. Зачем сравнивать? С чем сравнивать? Не с чем сравнивать, так как я полюбил впервые. Впервые. И эти чувства я испытывал первый раз. Вот так...

В дверь тихонько постучали, Жанна встрепенулась:

- Слышал? Кто-то стучит.
- Наверное, уборка номеров.
- Уже утро?
- Десять часов.
- Как быстро пролетела ночь.
- Мгновение.

В дверь постучали громче.

- Я не повесил табличку «Не беспокоить».
- Плохо. Она попытается войти.

– Сейчас оденусь и решу вопрос.

Пока я натягивал брюки и рубашку, в дверь начали барабанить. Стук был наглым и настойчивым. Жанна тоже стала быстро одеваться.

Но не успел я дойти до двери, как услышал щелчок входного замка, открываемого магнитной карточкой снаружи. И тут же во входном проёме возникла Королевишна. Сказать, что она была взволнована – значит, ничего не сказать. Такой я её никогда не видел. Пантера! Орлица! Гюрза, готовая впиться в шею. За её спиной просматривалась нестройная толпа, состоящая из персонала гостиницы.

– Я всю ночь не спала, названивала ему, как дура, – Королевишна выговаривала чётко, негромко и достаточно грубо. – На мои звонки он положил большой и толстый, а сам развлекается с девкой. Я примчалась. Думала, случилось с ним что-то. Ну, Феденька, тебе это дорого станет. Проси прощение. Прямо сейчас, при всех! А ты, прошмандовка, вон отсюда! – она взяла сумочку Жанны и с силой бросила в её сторону: – Пошла вон, дрянь!

Работницы отеля дружно выглядывали из-за спины моей питерской красавицы-стервы: одни с любопытством, другие со злорадством. Жанна наконец справилась с одеждой, схватила сумочку и проскользнула сквозь липкие тела толпы. Я бросился вслед.

– Куда? – Королевишна встала на мом пути. – Совсем обнаглел? Думаешь, я шучу?

Я попытался сдвинуть её в сторону:

– Уйди.

– «Уйди»? Ты забылся, мальчик! – глаза метали молнии, лицо почернело словно туча. Её затрясло: – На колени! На колени! На колени!

Злобная истерика была через край. Такую Королевишну я ещё не видел. Никогда не видел. Нет, это не богиня и не принцесса. Это баба Яга, крокодил, злая Снежная Королева. С души моей словно вуаль свалилась, заклятие сошло:

– Да пошла ты! – сказано было предельно просто.

– Пожалеешь. Сильно пожалеешь, – прошипела гюрза.

Я не стал пикироваться. Мне было наплевать на Королевишну. Абсолютно наплевать. Жанна! Я ринулся за ней.

Опоздал! Лифт захлопнулся. Когда я выскочил из дверей отеля – то увидел только задний бампер такси, увозивший любимую во тьму неизвестности. Были опасения, что Жанна не ответит на мой звонок. Но она тут же подняла трубку:

– Никогда больше не звони мне. Слышишь? Никогда! Я прямо сейчас вытащу SIM-ку и сломаю её. И не ищи меня. Это бесполезно. Водителю я скажу, что ты маньяк и попрошу его не говорить, куда он меня отвёз.

Она отключилась и на следующие звонки мне отвечал знакомый до боли механический голос. Я не знал ни адреса девушки, ни её фамилию. Иванова, Петрова, Сидорова? Искать по имени девушку в таком агломерате, как Москва, просто глупо. Поиски могут затянуться до пенсии. Что делать?

Первым желанием было позвонить Сухарецкой – она всё может. Но стыдно решать свои проблемы за счёт других. Тем более, когда речь идёт о сугубо личном. Так, стоп! Я схватил айфон и начал набирать номер диспетчерской такси, которое увезло Жанну. Но вовремя спохватился. Надо выждать, пока такси довезёт её до дома. Возвращаться в гостиницу не хотелось, и я зафрахтовал столик в кафе, где за час успел выпить семь чашек капучино. Пора! Я набрал номер диспетчера такси:

– Аллэ! Вас беспокоит служба безопасности «Марриотт Гранд отеля». Вы можете уделить мне две минуты?

– Да. Чем я могу вам помочь? – ответил женский голос.

– Сегодня в десять часов пятнадцать минут из дверей нашего отеля на Тверской вышла девушка и села в ваше такси, – я назвал госномер машины.

– Так. И что?

– Буквально только что выяснилось, что из номера нашего постоянного клиента, где эта девушка провела ночь, исчезла крупная сумма в иностранной валюте и важные документы.

– Понятно. Вряд ли мы вам сможем помочь. Обращайтесь в полицию.

– Секундочку. Пострадавший клиент является весьма публичной личностью, и он отказывается обращаться в нашу доблестную полицию. Но для нас репутация отеля – не пустой звук. Если вы пришлёте прямо сейчас этого водителя, то мы оплатим ему дневную вырубку. Такой вариант вас

устраивает?

Через полтора часа водитель такси уже указывал мне на дверь подъезда дома, расположенного недалеко от станции метро «Юго-Западная»:

– Она сюда вошла. Я видел. Номер квартиры мне по понятным причинам неизвестен.

Спасибо и на этом. Дальше я сам. Ничего – прорвёмся. Войдя вслед за молодой парочкой в парадную, как говорят в Питере, я поднялся на лифте на верхний этаж и стал спускаться вниз, подходя к каждой квартире. Как я собирался обнаружить дверь Жанны? Понятия не имею. Но внутри меня жила твёрдая уверенность – я её найду. Непременно найду. Так постепенно я спускался всё ниже и ниже. Внезапно в моём мозгу всплыло изображение входа в квартиру, которая меня притягивала, словно магнит. Следом пришла уверенность, что именно за этой дверью находится обитель моей любви. И дверь эту я уже видел в реальности. Она там – наверху. Я поднялся на двенадцатый этаж и подошёл к двери квартиры, расположенной справа от лифта. Поднёс руку к звонку, но неожиданно почувствовал, что немного ошибся. Галопом сбежав на площадку одиннадцатого этажа, я уставился на похожую дверь. Она вела в квартиру, расположенную как раз под той, куда я минутой ранее собирался звонить. Надо же! Именно эта дверь отделяет меня от Жанны. Именно эта. Сомнений не было. Звони! И я без раздумий нажал кнопку. Дверь отварилась. Ес-с! И всё-таки я волшеб-

ник!!!

– Как ты меня нашёл? – в её глазах было какое-то детское удивление от увиденного фокуса. Впрочем, оно сразу сменилось отстранённой холодностью: – Да! Ты же у нас слепой гений, обученный в Стэнфордском университете. Чего тебе надо, звезда эротического балета?

– Жанна! Жанна! Выслушай меня!

– Ты зачем припёрся? Пришёл рассказать, что я тебя неправильно поняла?

– Дело не в этом.

– А в чём? Пошёл вон, извращенец...

Она попыталась закрыть дверь. Я не позволил:

– Выслушай меня!

– Уже наслушалась и налюбовалась. Сгинь из моей жизни.

– Недосказанность рождает сонм сомнений. Дай мне возможность объяснить.

– Поздно. Я только что согласилась выйти замуж.

– Замуж? За кого? – глупо переспросил я.

– Не за тебя, уж точно.

– Быстро...

– А чего тянуть? У тебя есть возражения?

– Есть.

Дверь распахнулась шире и за её спиной появился крепкий парень. Он грозно и мрачно произнёс:

– Кто это? Чего ему надо?

– Володя, иди в комнату. Я сама разберусь.

– Что значит «разберусь»? Ты кто такой? – он попытался отодвинуть хрупкое тело девушки и выйти на площадку. Но она развернулась и с трудом худенькими руками затолкала его обратно:

– Володя, сейчас я ему вкратце всё объясню и вернусь.

– Давай, я его с лестницы спущу, — вновь обозначил инициативу Володя.

Но Жанна опять затолкала его в квартиру, уговаривая:

– Не надо скандалов. Всё будет хорошо. Он понятливый и безобидный, – девушка с трудом вдавила жениха в прихожую и, сделав шаг вперёд, прикрыла за своей спиной дверь квартиры:

– Тебе чего надо? Ты зачем припёрся? Скучно стало? Развлечений хочется? Хочется продолжения банкета?

– Жанна...

– Забудь моё имя и дорогу сюда забудь. Ты где этот адрес взял? Великий мира всего? Думаешь тебе всё можно, раз ты в раскрутку пошёл.

– Жанна, прости меня и выслушай.

– Не хочу я тебя слушать. Не хо чу! Всё? Услышал? Теперь проваливай!

– Жанна! Я ведь ни в чём не виноват. Она мне не жена.

– Мне без разницы: кто она тебе. Мне дела до этого нет.

– Но я ведь тебе не изменял. Она была до тебя. Я с ней расстался.

– «Расстался»? Это ты называешь «расстался»? Теперь

хочешь, чтобы я вместо неё бегала, искала тебя по моргам, вызванивала по телефону, выискивала по притонам и гостиницам? Нет уж, дудки! Не бывать этому! Всё!!! Добился своего – пора и честь знать, – она попыталась скрыться за дверь.

– Постой. Я люблю тебя...

– Себя ты любишь больше всех, Лемешев. Себя.

«Она меня простит, она простит. Я волшебник, я волшебник, я волшебник!!!»

Неожиданно Жанна прислонилась ко мне всем телом и поцеловала горячим пригор-р-рячим поцелуем, прошептав после этого:

– Эх, Федя, Федя, что же ты наделал...

– Жанна...

– Не приходи больше. Не губи, не коверкай мою судьбу. Господи! Зачем ты ворвался в мою жизнь? Зачем? Всё было так просто и ясно. А теперь... – она резко отстранилась, лицо приобрело холодный вид. – А теперь я всё решила. В субботу моя свадьба.

Девушка юркнула за дверь. Было слышно, как ключ повернулся в замке.

Чуда не произошло. Я не волшебник. Я потерял дар волшебства. Растранижил его по пустякам.

– Жанна! Я тебя люблю! Я никого никогда не любил. Только тебя! Жанна!

Я звонил и стучал. Долго стучал. Долго звонил.

Наконец, соседняя дверь открылась и оттуда выперлась дородная тётка:

– Давай, парень, не буянь. А то милицию вызову. Не порть девке судьбу. Где ещё она такого жениха завидного найдёт?

Не добившись ничего, кроме ругани соседей, я ретировался, но от дома отойти не смог. Ноги отказывались покидать это место, голова не соображала, а сердце не теряло надежду. Из ступора меня вывел звонок Сухарецкой:

– Где колье, Солнце моё? Народ волнуется. Или вы ещё не проснулись?

– Проснулись. Конечно, проснулись. Не волнуйтесь Марина Юрьевна. Уже бегу.

Эпизод четырнадцатый

В поисках прошлогоднего снега

В номере никого не было. Это меня не удивило. Удивило только отсутствие кольца. Обшарил всё – без результата. Оно испарилось. Так, так, так: Жанна его одевала ночью на голое тело..., ых, ух, ах-ах. Чёрт! А потом она его сняла и отдала мне в руки. А я куда дел? Куда..., куда...? Не до того мне в тот момент было, но бьюсь об заклад, что я положил кольцо вот на эту прикроватную тумбочку. И куда оно могло деться? Чёрт! Королевишна! Псевдожанна! Только она могла спереть кольцо. Именно спереть и только для того, чтобы подставить меня. Стерва! Конечно, стерва. Конченная стерва. А ты дурак, балбес, лох. И бабник. Как-будто ты год назад не понимал, что она стерва. Тебя все предупреждали. Ладно, чего уж. И что теперь делать? Только таких проблем мне в настоящий момент не хватает. Сегодня воскресенье, а уже в субботу у Жанны свадьба. Это должно тебя волновать в первую очередь. Это и только это! Чёрт, чёрт, чёрт!!! Но голову в песок не спрячешь – проблема сама собой не рассосётся. Надо звонить. Вот только кому? И я позвонил Королевишне. Как ни странно, она ответила сразу:

– Если ты готов просить прощения – приезжай.

– Я хочу, чтобы ты вернула кольцо.

– Какое «кольцо»?

– Оно не настоящее. Так, безделушка. Но это подарок матери.

– Можешь не сочинять. Это кольцо стоит дорого. Очень дорого.

– Вернёшь?

– Нет.

– Почему?

– Я ничего не брала.

– Так я и поверил: ты не вернёшь то, в цене чего так хорошо разбираешься. Отсутствие логики тебя спалило.

– Он меня ещё в чём-то обвиняет, тварь, – разозлилась Королевишна и бросила трубку.

Пришлось звонить Сухарецкой и обрисовывать эту неприятную ситуацию. Расклад ей очень не понравился. Мы встретились через полчаса.

– Солнце моё, ну как же так?

– Марина Юрьевна, я не хочу оправдываться, потому что знаю: оправданий нет. Я по уши в агрегатном состоянии будущего удобрения.

– Мне не до шуток.

– Мне тоже.

– Да мне плевать на твоё душевное самочувствие. Думай, где будешь деньги брать. Ювелир запросил полтора миллиона.

– Долларов?

– Тугриков. Не тупи, Лемешев. Мне не до смеха. Отвечай, есть где собрать такую сумму?

– Нет, конечно. Я не копил. Наберу тысяч двести – не больше.

– Тогда езжай к своей примадонне и делай всё, что она попросит. Но кольцо должно уже сегодня вернуться на место.

– Нет, не поеду.

– Что значит «не поеду»? Ты представляешь, сколько мне стоило денег, пота и времени, чтобы люди легко и просто доверяли одному моему слову? Ты, пацан, не с той связался!

– Хорошо, хорошо, Марина Юрьевна, я не debil, понимаю, что вы сейчас чувствуете.

– Понимает он... И что с того?

– Я наберу нужную сумму, но к этой сучке на коленях не поползу.

– Сомневаюсь, что тебе кто-то даст столько.

– Родители помогут.

– «Родители», – передразнила меня Марина Юрьевна. – А когда они тебе не нужны позарез, сознайся, «предками» их зовёшь.

– Умеете вы влезть в самые отдалённые уголки души.

– Это хорошо, что ты не теряешь присутствия духа и пытаешься шутить. Поступай, как знаешь, но, чтобы сегодня деньги были.

– «Сегодня»?

– А ты думаешь, что я тебе дам беспроцентную рассрочку на три года? Давай, звони, договаривайся!

Родителей моя новость не обрадовала. Но они тут же бросились собирать необходимую сумму. На то они и родители. В конце концов Сухарецкая договорилась о трёхдневной отсрочке. Спасибо ей за это – святая женщина. Через два дня прилетел отец и привёз необходимую сумму. Всё это время я занимался только одним делом: искал встречи с Жанной. Но меня к ней не подпускали. В прямом смысле этого слова. Она не выходила на улицу одна. С ней всегда был её здоровяк-жених и кто-нибудь ещё из мужского пола. Меня, естественно, не били. Или вернее сказать: пока не били. Но дело явно шло к этому. Отец улетел не в лучшем настроении, а его беспутный сынок завис в Москве в ожидании чуда. В субботу я кинулся к загсу. Я знал время и место этой свадьбы. Но меня там уже ждали. Видимо, кто-то все мои действия просчитал наперёд. Трое парней в новеньких костюмах, быстро и слаженно затащили моё тело в микроавтобус «Фольксваген». Там сидел здоровый мужик в генеральском костюме:

– Я Жанкин дядя. Слушай меня парень внимательно. Насколько я понимаю в колбасных обрезках: у тебя был шанс, но ты его бездарно просрал. Так что утрись, успокойся и уступи дорогу тем, кто не способен так облажаться. Ты всё понял?

– Нет. Не всё.

– Чего тебе не понятно?

– Мне не понятно одно: я её люблю – как мне жить без неё?

– Хм, любит он, – хмыкнул генерал. – Ты два дня, как нарисовался на горизонте. А Вовка её всю жизнь добивался.

– Я люблю её. По-настоящему люблю.

– Что ты заладил? «Люблю-люблю». А Вовка, что, не любит?

– Жанна меня любит, а я её.

– Это она тебе сказала? – генерал рассмеялся. – Откуда вы только повылазили «золотые мальчики»? Им, видите ли, так хочется – и все должны скакать и прыгать. Всё, надоело в ступе воду толочь! Она сказала Вовке, что сегодня станет его женой – и точка.

– Она назло это делает. Мне наз...

Генерал оборвал меня:

– Короче, ты мне надоел. Сейчас поедешь в Царицыно, погуляешь там по аллеям парка. А ребята в это время поженятся: спокойно и без непредвиденных эксцессов. Через неделю они уедут в Швейцарию и постепенно жизнь у тебя тоже наладится. Парни, отвезите его и погуляйте с нашим Ромео часов до двух ночи.

Он двинулся к выходу из салона микроавтобуса, но я успел крикнуть вдогонку:

– Зачем они едут в Швейцарию? В свадебное путешествие?

Он вышел из машины на улицу, развернулся и перед тем,

как закрыть за собой дверь, пробурчал:

– В посольстве будут работать. У тебя нет шансов, парень.

Шансов у меня и на самом деле не было никаких. Я понятия не имел, куда молодая пара испарилась после свадьбы. Ежедневное дежурство возле Жанкиного дома ни к чему не привело. Единственное, что мне удалось узнать – это время вылета самолёта в Женеву. Каким-то немыслимым для меня способом это сделала Сухарецкая.

На десятый день после свадьбы я приехал в аэропорт. У меня не было намерений идти на прямой контакт с Жанной. Ничем хорошим это бы не закончилось. Она теперь чужая жена. Мне просто хотелось на неё посмотреть и оценить надежду: есть у меня хоть один крошечный шансик на будущее или его вовсе нет. Короче, дело было безнадежным, но мне не хотелось отступать.

Молодожёны приехали в аэропорт за два с половиной часа до вылета. Я их видел, прячась за колонной, а они меня нет. Она была прекрасна. Так хорошо выглядеть может только счастливый человек. Муж ей всё время что-то говорил, а Жанна смотрела на него и улыбалась. Короче, Федя, тебе ничего не светит: сливайте воду, гасите свет. Я уже собрался retirроваться в сторону надоедливых таксистов, но в это время её Володя отошёл куда-то, и Жанна осталась одна. Она сразу стала серьёзной и принялась крутить головой, в поисках... Чёрт! Чёрт!! Чёрт!!! Она меня высматривает! Меня!!! Эмоции разрывали череп и лёгкие. Нет, Федя, ничего ещё не по-

теряю. Я всё равно на ней женюсь. Даже если меня заставят съехать перед загсом мой паспорт, я всё равно женюсь на ней. Я люблю её. Но ведь и она вышла замуж вопреки своим чувствам. Вот точно говорю. Я это чувствовал всеми фибрами влюблённой души. Навертевшись по сторонам, она погрузилась и стала терять интерес к окружающему миру. Но тут я привлёк её внимание. Слепой в берете и в тех самых тёмных очках, стуча тростью о мраморный пол, двинулся по маршруту, попадающему в поле зрения Жанны. Она увидела. Она увидела меня. Она увидела меня и улыбнулась. Она увидела меня и засияла. Возможно, засияла от счастья. Вы скажите: «Какое уж тут счастье?» Маленькое счастье, маленькие радости того, кого любят и кому это не безразлично. Сложно всё это, но у меня словно крылья выросли. Я не позволю случиться тому, чтобы Жанна во мне разочаровалась по полной. Я люблю её. И она меня любит. Мы же не во времена Средневековья полюбили другу друга. Недопонимание развеется, а чувство, если оно настоящее – останется.

Я двинулся навстречу своему счастью – в сторону Жанны. Но в это время примчалась толпа провожающих: родители, друзья, родственники. Они закружили мою любимую, завертели, завалили вопросами и разговорами. Она отвечала, кружилась в этом людском хороводе и время от времени бросала на меня быстрый, полный энергии взгляд. Затем примчался её благоверный и потащил молодую супругу к зоне контроля. Я и Жанна ещё долго обменивались грустными, счастли-

ВЫМИ, ТОСКЛИВЫМИ, НО ОСТАВЛЯЮЩИМИ НАДЕЖДУ ВЗГЛЯДАМИ...

Эпизод пятнадцатый

Бывает хуже

Забыл сказать, что все эти две с лишним недели, пока я искал взгляд Жанны, мне непрерывно названивал Филя, ну... или «Феля». Он вопил в истерике:

– Возвращайся! Нас закрывают!!! Срочно возвращайся!

Эта стерва натравила на нашу контору всех, кого можно: пожарную, санитарную, экологическую, налоговую и другие всевозможные инспекции, которые существовали, существуют или только в принципе могли бы существовать в нашей всё инспектирующей стране. И «Клинику Дяди Фёдора», как выразился Клепалов, прикрыли. За неделю в нашей конторе побывали всякие там Ростехнадзоры, ОБЭПы и даже Наркоконтроль с ФМС. Прикрыли нас не просто надолго – заколотили навсегда, наглухо. Арендодатель под надуманным (почти надуманным – записанным мелким шрифтом в договоре) предлогом, выгнал нас из всех занимаемых помещений. Короче вы поняли тональность звонков Феликса. Он орал, вопил, ныл, ужасался и проклинал того, кто втянул его, такого наивного мальчика, в эту жуткую авантюру.

Поэтому, сами понимаете, моё настроение по возвращению в «Город Петра» было на уровне городской канализа-

ции. Поздним вечером такси привезло меня из аэропорта Пулково к той самой квартирке, где когда-то в прошлом один человек, как две капли воды похожий на Фёдора Лемешева, резвился в постели с Королевишной. Всё это было не со мной. Да и было ли? Я открыл парадную и успел сделать всего пару шагов от двери. Больше ничего не помню. Очнулся в больнице.

В ней я провалялся три недели. Отец с матерью, а они хорошие врачи, уверяли меня потом, что я стоял на самом краю и мне просто сказочно повезло, что смог выкарабкаться. Перечень того, что у меня было поломано, значительно превышал перечень того, что осталось нетронутым. Зубы, как ни странно, остались на месте. И это меня немного успокаивало – зубную боль я не переносил больше всего. А вот череп был проломлен основательно и время от времени нудно ныл. Хотя чему там ныть – непонятно. Вроде кость, как кость. Но прошло некоторое время и сломанные рёбра срослись, отбитые почки и печень вновь стали функционировать, как прежде. Ну, или почти, как прежде.

Папка с мамкой взяли отпуск и ежедневно обкладывали меня навязчивыми заботами. Но кроме родителей больного больше никто не навещал. Феликс ограничивался звонками по сотовому. Было обидно. Тоже мне – друг называется.

Я лежал почти готовый к выписке и строил планы на будущее. Если у человека нет планов, то нет и будущего. Было невыносимо тоскливо и грустно. Было отчего. Планы не осо-

бо прорисовывались. В них не хватало привычного мне оптимизма. Наконец, появился Клепалов. Да не один – с Ланкой.

– Вы чего вдвоём? Спелись?

Я всегда вижу очевидное, невидимое другим. Но в этот раз по нежным взаимным взглядам этой сладкой парочки, по их довольному виду, соответствующий диагноз мог бы поставить даже ребёнок.

– А что нам оставалось делать? – Ланка как обычно была полна позитива, чем всегда и нравилась мне. – Ты нас бросил. Всё развалилось. Вдвоём в эпоху всеобщих катастроф всегда проще выжить.

– А что, есть какие-то претензии? – пробурчал Феликс.

– Что вы, ребята: абсолютно никаких. Рад за вас. Тем более, что Ланочка опять беременна.

– Вот паразит, – засияла Ланка, – всё видит. Значит, башка не так уж и пострадала, как все считают.

– Кто, «все»? – переспросил я.

– Все. Абсолютно все. Ходят упорные слухи, что ты на всю жизнь останешься придурком, – Ланка всё это сказала с нескрываемым удовольствием.

– Что значит «останешься»? – возмутился я. – Я не понял: я останусь таким, каким был до травмы черепа, то есть обычным, привычным придурком? Или все думают, что я после того, как меня долбанули по башке, стал таким, – для наглядности пришлось отвесить нижнюю губу, глупо завер-

теть глазами и мелко завибрировать кистью согнутой в локте руки.

– Скорее, второе, – слегка обозначил улыбку вечно ми-
норный Феликс. – Хотя по мне, ты и до того был не лучше.

– Договоришься! – в шутку наехал я. – Накостыляю! – при
этом мой палец указал на костыли, стоявшие рядом с инва-
лидной коляской. – Ладно, рассказывайте, как живёте?

Оказалось, что Фил с Ланкой спелись ещё до того, как я
отправился на съёмки. Поэтому сейчас девушка была уже на
пятом месяце беременности. Феликс после закрытия «Кли-
ники Борменталья» устроился работать врачом скорой помо-
щи, поэтому жили они в основном на заработки Ланы. По-
ка клиника «дяди Фёдора» процветала, моя бывшая «дизай-
нерша» успела набрать у наших небедных клиентов целый
пакет заказов на оригинальное оформление загородных вилл
и домов. И теперь стала ну очень популярным оформителем,
который загружен работой, а, значит, и деньгами, по самые
уши.

– Молодец, что уговорил меня взять в ипотеку трёхком-
натную квартиру, – Феликс похлопал по моей загипсованной
ноге. – Я хотел однушку.

– Ты всегда был недалёким типом, – пожурил его я. – Те-
бе такую подругу жизни, как Ланка, и надо. Ты бы без неё
пропал, сгинул, спился.

Ланка только улыбнулась, вздохнув:

– Ох и счастливый ты, Лемешев.

– Чем это я «счастливый»?

– Девки тебя любят, аж пищат. Готовы из-за тебя на всё.

– Угу, – не очень весело буркнул я в ответ. – «Пищат». У меня их писк до сих пор в голове звенит.

Ланка осторожно провела ладошки по моей густо забинтованной голове:

– И тем не менее, тебе можно позавидовать: и девки по тебе сохнут и сам втюрился аж до сотрясения мозга.

– Чем собираешься заниматься? – поинтересовался Филя.

– Чем? Не знаю. Нет, знаю! У меня теперь в голове столько идей! Я хочу творить...

– «Творить»? – перебил меня Феликс. – Тебе не кажется, что ты уже достаточно натворил? Сам в больнице с гипсом вместо мозгов. Ребята остались без работы...

Ланка больно стукнула его локтем в живот и демонстративно улыбнулась мне.

– Ты чего? – не понял спутник жизни. – Больно же.

– А ты? Зачем ты его оскорбляешь? Не видишь, у него голова перевязана?

Я улыбнулся – в голове вертелся каламбур, который никак не мог приобрести законченную форму:

– Творил, натравил..., тьфу, натворил, травец... Э-э-э! Творец! Зараза! На траве дрова, на дворе дрова.

Выходило плохо: видимо и на самом деле мои мозги стали работать хуже. Фигово...

Феликс, выслушав мой сумбур, ответил подруге:

– Ничего, переживёт как-нибудь. У него теперь мозгов нет – значит, не обидится, – и тут же продолжил, обращаясь уже ко мне:– Натворил творец, а точнее – тварь!

Он демонстративно осклабился, довольный тем, что нашёл логическое завершение каламбура.

Наболтавшись вволю, ребята ушли. Но через пару минут Клепалов прибежал назад с загадочно возбуждённым выражением лица.

– Что-то забыл? Или меня беззащитного хоча попинать? – я пошевелил пальцами загипсованной руки.

– Заткнись, а, умник! Там твоя по коридору сюда тащится.

– Кто? – не понял я.

– Да, здорово тебе по башке долбанули, придурок. Королевишна сюда со своей свитой прётся.

Псевдожанна заявила с двумя телохранителями, главврачом, его замами и заведующим хирургического отделения. Консилиум в основном облизывал Королевишну, не особо уделяя внимание мне, убогому. Моя ненавистная «любовь», величаво, словно пава, молча выслушивала привычный доклад главного врача о достижениях клиники и недостатках финансирования. Наконец ей это надоело:

– Скажите, каково состояние вот этого пациента? Он быстро поправится?

Главврач закатил глаза, сделал загадочным выражение лица и заныл на одной высокой ноте:

–Ы-и-и-и-и....

Он не понимал суть её интереса ко мне. Поэтому в голове его роились мысли от «а», до «я»: сделать меня уже сейчас почти здоровым, или наоборот, запросить энную сумму, необходимую для быстрого восстановления пациента. Он, что неудивительно в современной России, выбрал второе:

– Трудный случай, почти безнадежный. Требуется особый уход, сложная диагностика и дорогостоящие лекарства, которых у нас нет, – не зная про меня вообще ничего, главврач ткнул заведующего «Хирургией»: – Вот, Павел Игнатьевич, если вам интересно, поподробней расскажет.

– Хм! Мне интересно, – утвердительно хмыкнула Королевишна, – мне очень интересно, – и с нажимом добавила: – Я бы даже сказала: категорически интересно.

Интонация сказанного несколько обескуражила заведующего отделением. Он помялся, но заметив ободряющий кивок главврача, начал издали:

– Больной получил многочисленные переломы грудной клетки, конечностей и головы.

– Головы? – почему-то переспросила Прима.

– Да. Лучшие хирурги нашего отделения всю ночь по очереди извлекали из его раздробленного черепа осколки, – увидев ужас в глазах гостьи, он добавил: – Сильный парень. Он должен был умереть, но молодой и крепкий организм справился. Теперь в проломленном черепе мы установили очень дорогую, фирменную титановую пластину, – увидев ободряющий взгляд и кивки начальника, заведующий отде-

лением усилил эпитеты и ценность проведённых мероприятий: – Кстати титановая пластина не простая. Она покрыта специальным сплавом, – вновь поймав намёки шефа на удорожание моего лечения, он ещё сильнее задрал планку, – состоящим из платины, молибдена и золота. Эта пластина была прислана нам из Швейцарии..., специальным самолётом..., под охранной спецагентов..., в специальном сейфе из сплава...

Ужас, какой-то! Я готов был схватиться за голову. Что он лепит!? И это дипломированные врачи, которые меня, якобы, лечат. Чем они лучше меня? Главврач, увидев, что подчинённого понесло, тут же встрял:

– Да, да..., дорого нам обошлось его лечение. Страховая компания отказалась компенсировать все затраты. Уж слишком они астрономические...

Псевдожанна тут же перебила его:

– Вы мне скажите одно: он будет жить?

Этот вопрос вновь поставил докторов в тупик. Не зная, что предпринять, они замялись, переглядываясь и перепасовывая друг к другу инициативу при помощи каких-то странных ужимок и гримас. Наконец, поняв, что пауза может быть неправильно истолкована, начальник клиники выдал:

– Э..., этого гарантировать никто не может. Если пациента немедленно не подвергнуть дорогостоящей реабилитирующей терапии, мы его потеряем. По крайней мере, как полноценного члена общества.

Озвучив эпикриз, он вытер ладонью пот со лба и снял очки, начав протирать их кончиком простыни, прикрывающей моё многострадальное тело. Я с самого появления Королевишны закрыл глаза и сделал предельно глупое и равнодушное к внешним раздражителям выражение лица. Моя бывшая от услышанного слегка взбодрилась. Через щелочку в ресницах я заметил, как она потёрла свои изнеженные ручки:

– Хорошо, очень хорошо. А теперь прошу всех выйти и оставить меня с ним наедине. Родион, Керим, – обратилась она к секьюрити, – вас это тоже касается.

Когда все вышли, Кэрол нагнулась и, практически касаясь губами моего лица, чуть слышно произнесла:

– Федечка, мой ненаглядный, ты меня слышишь?

Естественно: я всё слышал. Запах её дорогого парфюма раздраконил слизистую моего носа до такой степени, что как я не сопротивлялся, пришлось громко чихнуть, обрызгав при этом лицо Королевишны. Она отпрянула, а я на всякий случай очень глупо и громко хихикнул.

Моя бывшая достала из сумочки шёлковый платочек и медленно, тщательно и аккуратно вытерла своё личико. Затем вновь нагнулась и деланно-заботливым голосом прошептала:

– Я уезжаю. Надолго уезжаю. Вернусь только через год. Может быть – полтора. Но не беспокойся – по приезде я обязательно приду к тебе: хоть в психушку, хоть на могилку. Молись, чтобы это было так. Если же ты выздоровеешь – я

тебе не завидую. Ты сам себе сегодняшнему будешь завидовать.

Она пару минут вглядывалась в моё лицо, ища на его поверхности хоть какую-нибудь реакцию на сказанное. Не найдя, похлопала меня по загипсованной руке, нагнулась и поцеловала в губы:

– Прощай, Федюшечка, ты сам всё испортил.

Королевишна ушла, но стук её каблуков ещё долго отзывался болью в моём раздолбанном кем-то черепе. Впрочем, после её посещения у меня уже не было сомнений, чьих это рук дело.

Родители долго, но безрезультатно уговаривали меня вернуться в наш северный город. Поняв, что я упёрся рогом по настоящему, мама спросила:

– И чем ты после выздоровления собираешься заниматься?

– Здесь? Ничем. Когда поправлюсь – уеду в Швейцарию.

– А там что ты будешь делать? – опешила мать.

– Лазать по горам, спать в шале и есть шоколад.

– Да..., видимо здорово тебя по голове шарахнули.

Но попасть в Швейцарию мне было не суждено. Деньги быстро подошли к концу. Визу мне не дали, естественно, без объяснения причин. С квартиры я съехал – она мне была уже не по карману. Ребята звали к себе, но там я был бы третьим лишним. Нет, четвёртым, если брать в расчёт сына Ланки. А в ближайшей перспективе вскоре мог стать уже пятым

лишним. Поэтому сначала снимал однушку, затем студию... Но в конце концов пришлось переехать в квартиру старушки, которая сдавала комнату, а сама ночевала на раскладушке в кухне. Это было очень неудобно. Очень. И унижительно. Очень. Но я никак не мог устроиться на работу, а кланчить деньги у матери было ещё унижительней. Поэтому вариант с бабусей был предпочтительнее лавочек, вокзалов и детских площадок. Бабуся была человеком душевным и сострадательным. Она не напрягала с оплатой ни по размеру, ни по срокам. И даже подкармливала меня. Заживало на мне всё не так уж быстро, как хотелось бы. Переломы побаливали, голова кружилась, почки отваливались сразу, стоило их выставить на сквозняк или влить в них банку пива. Было жутко. Беспросветно жутко. Очень хотелось выпить. Постоянно хотелось. Если бы не повреждённые почки и печень, то точно бы спился. Но даже не употребляя ни грамма алкоголя, выглядел я, как конченный бомжар: жуткий цвет лица, непроходящие синячищи под глазами, длиннющие волосы, которых давно не касалась рука мастера. Тогда я посчитал, что попал в серьёзную передрыгу. Теперь я так не думаю. Сейчас, точно зная, что такое настоящая передрыга, я назвал бы ту «серьёзную передрыгу»: передряжкой, передрюшкой или передрюнчиком. Но ситуацию, в которую жизнь меня тогда макнула по самые помидоры, я до сих считаю самой унижительной. Как всё быстро может поменяться! Уму не постижимо. Готов отмотать ленту своей жизни в любой момент,

но только не в этот. Жутики! Настроение ноль. Здоровье – чуть выше нуля. И что оставалось делать? Все были против меня. Всё было против меня. Выхода не было видно вообще. Но, слава богу, что я привык делать всё вопреки обстоятельствам, наперекор им и назло самому себе. У тебя из рук всё валится? Тебе ничего неохота! Ты не видишь перспектив? Жизнь бьёт по голове так, что падаешь на пол? Упал? А теперь отжимайся. Смог подняться? А теперь попрыгай, снова падай и отжимайся! И я отжимался... Поставил с согласия бабульки перекладину между стенами узкого коридорчика и стал подтягиваться. Вставал в шесть часов и два часа бегал в парке, занимался на бесплатных тренажёрах, которые добрые и мудрые люди расставили по всему Питеру. Отдельное спасибо им за это. Затем бежал домой под холодный душ. Далее звонил, ходил по адресам – но нормальной работы так и не нашёл. Естественно, иногда перебивался небольшими случайными заработками. Но это мало помогало в моей мутной ситуации. Было ощущение, что тень Королевишны ходит за мной по пятам и упорно, непрерывно строит мне козни.

Эпизод шестнадцатый

Надежда на возрождение

После расставания с Жанной прошло полгода. У Феликса и Светланы, или просто Ланы, родилась дочь. Я, естественно, был рад за них, но старался при этом своим унылым бесперспективным видом глаза им не мозолить. Чтобы никто не досаждал расспросами и советами, пришлось на всякий случай сменить номер телефона. Поэтому я очень удивился, когда после звонка в дверь бабкиной квартиры не услышал привычную болтовню двух-трёх старушек. Шаркающие шаги бабульки уперлись в мою дверь:

– Федя! К тебе пришли!

Странно. Кто мог ко мне притащиться в эту берлогу, в которой я так капитально залёг? За открытой мной дверью из-за плеча бабки выглядывало лицо Сухарецкой. По её виду было трудно понять с какой целью она здесь нарисовалась.

Я на всякий случай набросил на плечи хламиду цинизма:

– Чем обязан появлению в своём скромном жилище столь знатной дамы?

– Федька, не ёрничай. Роль простого парня, душевного и естественного, тебе больше подходит.

– Вы сами виноваты, Марина Юрьевна. Нельзя же так без

предупреждения вваливаться в покои светского человека. У меня сегодня не приёмный день. Вот, – я обвёл руками комнату, – и прислуга ещё не прибиралась.

– Ничего, ничего, переживёшь, – она коснулась рукой плеча старушки. – Всё, милая, спасибо. Дальше я сама.

Сухарецкая зашла в мою обитель, закрыла за собой дверь и уже после этого спокойным взглядом медленно осмотрела комнату:

– Да уж, живёшь ты, прямо скажем, убогонько.

– Не в богатстве суть жизни.

– Да-да. Мне не рассказывай. Ну, что, Феденька, не догадываешься зачем я к тебе пришла?

– Догадываюсь, – улыбнулся я во весь рот. За много-много дней моей «убогонькой» жизни это была первая практика нормального привычного общения.

– Давай, озвучивай свои догадки! – Сухарецкая уселась в зашарканное компьютерное кресло и слегка крутанулась в нём. – Проверим, насколько пострадали твои умственные способности.

– Э-э-э! У ювелира кончились деньги, и он решил ещё немного с меня содрать.

– Ху-ху! Смешной. Мимо. Совсем холодно. Тем более что, в отличие от тебя, Солнце моё, с головой у него всё в полном порядке. Ну, что с тебя сдерёшь, кроме грязного нательного белья?

– Если человек не богат, это не означает, что он ходит в

грязном. Бедный человек может быть и душой, и телом чище богатея.

– Ладно, ладно, завёл проповеди. Давай, дальше – выкладывай варианты.

– Вы решили меня усыновить.

Марина Юрьевна даже прыснула, чего я от неё никак не ожидал. Взрослая дама, а ведёт себя, как ребёнок. Впрочем, у-у-у, видимо у неё хорошее настроение. А это говорит о том, что новость для меня должна быть позитивной. Даже очень позитивной. Интересно...

Сухарецкая подобрала смешок и размяла губы, чтобы вновь не прыснуть:

– Так ты, на самом деле, рассчитывал, что я тебя усыновлю? Или откуда такие фантазии?

– Ниоткуда. Это я просто так ляпнул. Но если что – я не против.

– Учту, сынуля. Это всё? Идеи иссякли?

– Хе! Естественно, нет. Есть ещё целая куча. Вы появились здесь: так как «Мёртвая петля» была выдвинута на премию «Оскар»?

– Мимо. Молоко.

– Вы хотите выдать за меня свою толстую, прыщавую, перезрелую племянницу?

– Какую племянницу? Нет у меня никакой племянницы.

– И слава богу – а то я испугался.

– Всё? Сдулся?

- Мне дали «Засракуля»?
- Кого? – даже немного опешила Марина.
- Звание «Заслуженный работник культуры».
- Нет!
- Дали орден?
- Ноу!
- Медаль?
- Нихт!!!
- Подвязку на левую ногу?
- Найд!
- Вы соскучились по мне?
- Глупость.
- Меня вновь хотят снимать?

Наступила пауза, после которой Сухарецкая озадаченно переспросила:

- Как догадался?
- Я же перебрал все три тысячи пятьсот семьдесят два реальных варианта.
- Да..., уж. Значит, мозги из твоей головы не все вышибли. И это хорошая новость.

Затем она рассказала подробности, объясняющие её появление в моей каморке папы Феди. Ура! Меня привлекли к новому проекту. Вот только кто на такое решился? Неужто Валерий Сергеевич на такое отважился? Или сам Беркович? На эти мои вопросы Сухарецкая не ответила, отвязавшись:

- Потом сам всё узнаешь.

Ну, потом, так потом. Главное, что я снова при делах. И это здорово!

Конец первой книги.

Продолжение следует.

В оформлении обложки использована фотография по лицензии ССО:

<https://images.pexels.com/photos/3884710/pexels-photo-3884710.jpeg?cs=srgb&dl=pexels-jose-aragones-3884710.jpg&fm=jpg>

«Эпизод десятый» публиковался мной ранее в сборнике рассказов «Сон, про сон, про несон».